Г. П. Алексѣевъ.

О ХЕРСОНЕССКИХЪ МОНЕТАХЪ.

Г. П. АЛЕКСѢЕВЪ.

ИСТОРИЧЕСКО-НУМИЗМАТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ О ХЕРСОНСКОЙ МОНЕТѢ

СВЯТАГО РАВНОАПОСТОЛЬНАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА

И ЕГО СУПРУГИ,

ЦАРЕВНЫ АННЫ,

И

О БРОНЗОВОМЪ МЕДАЛІОНѢ ДРЕВНЯГО ХЕРСОНЕСА-ТАВРИЧЕСКАГО,

А ТАКЖЕ

ОПИСАНІЕ СЕМНАДЦАТИ ХЕРСОНЕССКИХЪ МОНЕТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.
1886.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Марта 1886 года.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

ГЕОРГІЮ МИХАИЛОВИЧУ

ВЪ ЗНАКЪ ГЛУБОЧАЙШАГО И БЕЗПРЕДѢЛЬНАГО ВЫСОКОПОЧИТАНІЯ.

Георгій Алексѣевъ.

Ваше Императорское Высочество!

Преисполненный безпредѣльною и глубочайшею благодарностью за милостивое и благосклонное ко мнѣ вниманіе ВАШЕ, *я дерзаю посвятить* ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ *посильный трудъ мой: «Историческо-нумизматическое изслѣдованіе о херсонской монетѣ св. Равноапостольнаго великаго князя Вла-*

димiра и его супруги, царевны Анны, и о бронзовомъ медалiонѣ древняго Херсонеса-Таврическаго, а также описанiе семнадцати херсонесскихъ монетъ».

Мысль, что ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО *соблаговолите обратить на него* ВАШЕ *благосклонное вниманiе, доставитъ мнѣ навсегда неизгладимое и дорогое сердцу моему воспоминанiе, а милостивое* ВАШЕ *разрѣшенiе помѣстить при заглавiи моего труда* АВГУСТѢЙШЕЕ ИМЯ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА — *придастъ мнѣ и въ будущемъ бодрость*

продолжать трудиться для науки, пріобрѣвшей себѣ въ дорогомъ Отечествѣ нашемъ высокаго цѣнителя въ АВГУСТѢЙШЕЙ *Особѣ* ВАШЕЙ.

Съ чувствами глубочайшаго и безпредѣльнаго высокопочитанія, имѣю счастье именоваться

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

всепреданнѣйшимъ слугою

Георгій Алексѣевъ.

I

Херсонская монета св. Равноапостольнаго великаго князя Владиміра и его супруги, царевны Анны.

Послѣ отечественной нашей нумизматики, служащей, какъ извѣстно, однимъ изъ важныхъ подспорьевъ для нашей исторіи, византійская нумизматика и въ особенности нумизматическіе памятники древняго Херсона-Таврическаго весьма для насъ, русскихъ, драгоцѣнны, ибо изъ этой древней Византіи Россія озарилась чрезъ своего великаго князя св. Равноапостольнаго Владиміра свѣтомъ религіи, а вмѣстѣ съ нею и образованіемъ. Къ сожалѣнію, исторія довольно сжато повѣствуетъ намъ о пребываніи св. Владиміра у стѣнъ Херсона, и все, что мы знаемъ о великой осадѣ этого города св. княземъ, дошло до насъ только изъ лѣтописей Нестора, ибо византійскіе историки и лѣтописцы, можетъ быть даже умышленно, изъ національной гордости, едва упоминаютъ объ этомъ важномъ событіи, исключая Льва Діакона, который подробнѣе другихъ повѣствуетъ только о возвращеніи Херсона грекамъ и о союзѣ грековъ съ русскими противъ хозаръ. Что же касается бракосочетанія св. Владиміра съ царевною Анною, то объ этомъ, кромѣ отца нашей исторіи Нестора, упоминается и нѣкото-

рыми арабскими и нѣмецкими историками. Вотъ почему открытіе какого нибудь древняго памятника, могущаго дополнить сказаніе Нестора о великой осадѣ Херсона, столь знаменательной для судебъ Россіи, есть событіе великой важности. Къ числу такихъ памятниковъ можно причислить двѣ мѣдныя монеты, найденныя недавно въ развалинахъ древняго Херсона, которыя, мы полагаемъ, безспорно можно признать монетами св. Владиміра, и которыя были, судя по ихъ типу, выбиты въ Херсонѣ, по взятіи св. Владиміромъ этого города и послѣ бракосочетанія его съ царевною Анною.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію этихъ монетъ— изъ которыхъ я имѣлъ счастіе пріобрѣсть одну очень хорошей сохранности — а также и къ доказательствамъ, что монеты эти именно можно причислить къ монетамъ св. Владиміра, — я приведу всѣ имѣющіяся донынѣ историческія свѣдѣнія о пребываніи св. Владиміра на Таврическомъ полуостровѣ и объ осадѣ имъ Херсона. Хотя эти свѣдѣнія уже болѣе или менѣе извѣстны, необходимы однако здѣсь для большаго уясненія разсматриваемаго предмета; вмѣстѣ съ тѣмъ они будутъ служить доказательствомъ, что описываемый нынѣ нумизматическій памятникъ, дѣйствительно, смѣло можно причислить къ памятникамъ св. Владиміра.

Слава о могущественномъ и богатѣйшемъ городѣ Херсонѣ распространена была далеко за предѣлами Византійской имперіи, почему, какъ мы видимъ изъ исторіи, многіе варварскіе народы, желая поживиться его несмѣтными богатствами, неоднократно пытались овладѣть имъ, но тщетно; пока наконецъ могущественный русскій великій князь Владиміръ, младшій сынъ Святослава, завладѣвшій въ то время всѣми землями, принадлежавшими прежде его отцу, отъ Балтійскаго моря и почти до Херсона, — въ 988 году,

желая быть достойнымъ подражателемъ славы своихъ предковъ, двинулся съ огромною флотиліею и многочисленнымъ войскомъ, чтобы покорить Херсонъ, названный русскими Корсунемъ [1]). Кромѣ этой цѣли, Владиміръ, давно желавшій принять христіанство, рѣшился исполнить это великое намѣреніе со славою побѣдителя; для чего вѣроятно и захотѣлъ завоевать этотъ въ то время важный городъ — послѣдній оплотъ Римской имперіи на Таврическомъ полуостровѣ. Флотъ его присталъ въ лиманѣ, высадивши войско для осады города. Херсонцы защищались отчаянно, несмотря на угрозы великаго князя продолжать осаду три года. Они устраивали подкопы и по ночамъ увозили въ городъ землю, которую войска Владиміра употребляли на засыпку рвовъ. Въ лѣтописяхъ, къ сожалѣнію, не упоминается, сколько времени продолжалась осада; но судя по храбрости и отвагѣ какъ осаждающихъ, такъ и осажденныхъ, нужно думать, что она была очень продолжительна, такъ что даже Владиміръ хотѣлъ было оставить ее [2]),—какъ вдругъ измѣна одного херсонскаго священника Анастасія, а по другимъ источникамъ — монаха, порѣшила все дѣло.

Этотъ священникъ, расположенный къ князю Владиміру, пустилъ въ его станъ стрѣлу, съ запискою, въ которой совѣтовалъ отвести отъ города на востокъ водопроводы, единственно снабжающіе городъ водою, и этимъ завладѣть городомъ. По разсказу Нестора, когда Владиміръ получилъ это извѣстіе, то воскликнулъ: «*Если это правда, то я окрещусь!*» Многіе позднѣйшіе писатели, какъ напримѣръ Бро-

---

[1]) См. Описаніе музея князя Кочубея, бар. Кене. Т I, стр. 244. — Опис. Иракл. полуостр. и древн. его, Захарія Аркаса, стр. 6.—Изслѣдов. объ исторіи и древн. Херсон.-Тавр , бар. Кене, стр. 224.—Истор. Карамз. Т. I, стр. 212.—Сестренц., Истор. Тавріи.—Лѣтопись Нестора.

[2]) Опис. Иракл. полуостр., Захарія Аркаса, стр. 6.

новій (Bronovius) въ своемъ сочиненіи «Tartariae descriptio, 6», знали водопроводъ. Дюбуа также отыскалъ родникъ на мызѣ Ушакова, равно какъ и слѣды трубъ, разрушенныхъ Владиміромъ [1]).

Когда такимъ образомъ вода была отведена отъ города, великій князь Владиміръ принудилъ его сдаться и вступилъ въ него побѣдителемъ.

Хотя взятіе русскими Корсуня было и временно, но это взятіе имѣло громадное значеніе для судьбы Россіи, ибо тамъ крестился могущественный русскій великій князь и потомъ, возвратившись въ отечество, окрестилъ и весь народъ свой. Послѣ принятія имъ св. крещенія, онъ измѣнилъ языческій образъ жизни, сдѣлавшись истиннымъ христіаниномъ, и по кончинѣ своей причтенъ къ лику Святыхъ и названъ Равноапостольнымъ. Въ Херсонѣ же онъ вступилъ въ бракъ съ греческою царевною и, благодаря этому браку сблизившись съ самымъ просвѣщеннымъ тогдашнимъ государствомъ — Византіею, принялъ также во многомъ и его культурную жизнь. Для отечественной нашей нумизматики это сближеніе имѣло также громадное значеніе, ибо, какъ извѣстно, въ его царствованіе впервые появились у насъ золотыя и серебряныя монеты, выбитыя по образцу византійскому.

«Замѣчательно» говоритъ баронъ Кене въ своемъ знаменитомъ «Изслѣдованіи объ исторіи и древностяхъ города Херсонеса-Таврическаго»,—«что ни одинъ византійскій писатель не упоминаетъ объ этомъ важномъ событіи», (т. е. о взятіи Херсона) «извѣстномъ единственно изъ русскихъ источниковъ, именно изъ Нестора; только Левъ Діаконъ упоминаетъ однимъ словомъ о занятіи Херсона русскими».

---

[1]) Изслѣд. объ истор. и древн. города Херсонеса-Таврическ., сочин. бар. Кене, стр. 225.

Далѣе баронъ Кене продолжаетъ: «*многіе изъ тогдашнихъ византійскихъ источниковъ дошли до насъ въ однихъ отрывкахъ, и потому можно предполагать, что современемъ еще отыщется какое нибудь греческое извѣстіе, которое дополнитъ и подтвердитъ столь точныя и подробныя славянскія извѣстія*»[1]).

Когда Владиміръ покорилъ Херсонъ, то потребовалъ руки царевны Анны, дочери покойнаго императора Романа II и сестры царствовавшихъ тогда императоровъ Василія II и Константина XI, угрожая въ противномъ случаѣ идти на Константинополь. Если же его просьба будетъ уважена, то съ своей стороны обѣщалъ возвратить Херсонъ грекамъ. Предложеніе такого опаснаго противника, какимъ былъ для Византіи Владиміръ, не могло быть отвергнуто императорами, и они согласились, съ условіемъ, чтобы великій князь крестился, на что Владиміръ отвѣчалъ, что онъ давно уже самъ порѣшилъ принять христіанство и только пожелалъ, чтобы ему прислали невѣсту быть свидѣтельницею его крещенія.

Грустно и страшно было царевнѣ Аннѣ рѣшиться на такой подвигъ самоотверженія, — оставить свою родину и родныхъ и вступить въ супружество съ такимъ варваромъ, какъ считали тогда греки Владиміра. Но послѣ сильныхъ убѣжденій со стороны ея окружающихъ, что этимъ подвигомъ она спасетъ свое отечество и вмѣстѣ съ тѣмъ поможетъ распространенію св. христіанской вѣры, она покорилась и съ многочисленною свитою изъ знатныхъ сановниковъ отправилась въ Херсонъ, жители котораго встрѣтили ее какъ свою спасительницу и радушно привѣтствовали.

---

[1]) См. Изслѣд. объ исторіи и древн. г. Херсонеса-Таврическ., стр. 225 и 226.

На городской площади стояла церковь Богородицы, между двумя дворцами, изъ которыхъ въ одномъ жилъ великій князь, а въ другомъ царевна Анна. Въ этой церкви Владиміръ былъ крещенъ херсонскимъ архіепископомъ, и вскорѣ за тѣмъ послѣдовало его обрученіе и бракосочетаніе съ Анною[1]). До вступленія своего въ супружество Владиміръ развелся съ своими языческими женами, и даже съ любимицею Рогнѣдою.

Развалины этой церкви еще и нынѣ уцѣлѣли, и на самомъ этомъ мѣстѣ нынѣ выстроенъ великолѣпный храмъ во имя св. Равноапостольнаго князя Владиміра, оконченный впрочемъ только вчернѣ. Дюбуа говоритъ, что древняя Богородицкая церковь была образцомъ византійскаго стиля. Ковчегъ ея, по его словамъ, опирался на бѣлыя мраморныя колонны, большіе византійскіе кресты украшали капители коринѳскаго ордена и стержни колоннъ[2]).

Эти остатки прежняго великолѣпія херсонскихъ храмовъ существуютъ и понынѣ на развалинахъ этого города, несмотря на то, что уже много великолѣпныхъ колоннъ и прекрасно высѣченныхъ разнообразныхъ кусковъ мрамора развезены повсюду и украшаютъ многіе музеи въ Европѣ. Въ этомъ году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, я лично видѣлъ еще множество этихъ богатыхъ украшеній въ нынѣ производимыхъ раскопкахъ, какъ равно и уже собранныхъ въ маленькомъ музеѣ при Херсонскомъ монастырѣ стараніемъ неутомимаго ученаго археолога Н. Н. Мурзакевича, которому такъ много обязанъ югъ Россіи за сохраненіе и разъясненіе древнихъ его памятниковъ.

Послѣ обращенія своего въ христіанство и послѣ вступленія своего въ бракъ, Владиміръ, какъ видно изъ лѣтопи-

---

[1]) См. Изслѣд. объ исторіи и древн. г. Херсон.-Таврическ., сочин. бар. Кене, стр. 226 и 227.

[2]) Dubois, l. c., 142—144.

сей, оставался довольно долго въ Херсонѣ, что явствуетъ изъ того, что онъ устроилъ тамъ, въ память своего обращенія, церковь на той самой земляной насыпи, которую осажденные сдѣлали посреди города [1]). Къ сожалѣнію, отъ церкви этой не сохранилось уже никакихъ слѣдовъ, хотя Дюбуа отыскалъ еще насыпь, на которой она стояла [2]).

Въ Херсонѣ была еще и другая церковь, на развалинахъ храма Артемиды, которую Дюбуа называетъ соборомъ. Баронъ Кене думаетъ, что можетъ быть это была церковь св. Василія, ибо у Нестора ясно сказано, что соборъ стоялъ на площади, между двумя дворцами, и слѣдовательно нужно думать, что она именно находилась тамъ, гдѣ нынѣ выстроенъ великолѣпный храмъ во имя св. Равноапостольнаго Владиміра, ибо близъ него найдены мѣста бывшихъ древнихъ дворцовъ. Церковь же, о которой упоминаетъ Дюбуа, находившаяся на развалинахъ храма Артемиды еще во время Броновія, принадлежала греческому монастырю, изъ котораго, по его свидѣтельству, Владиміръ перевезъ въ Кіевъ царскія врата, сдѣланныя изъ коринѳской бронзы, которыя впослѣдствіи въ видѣ трофей были перевезены Болеславомъ II изъ Кіева въ Гнѣзно и подарены тамошней соборной церкви [3]). Корсунскія же врата въ Новогородскомъ соборѣ, какъ замѣчаетъ бар. Кене, носятъ это названіе невѣрно, ибо онѣ сдѣланы нѣмецкими художниками.

Миръ, заключенный Владиміромъ съ Византіею, какъ видно изъ приведенныхъ источниковъ, былъ основанъ на слѣ-

---

[1]) Карамзинъ. Т. 1, стр. 212.

[2]) Изслѣд. объ исторіи и древн. города Херсон.-Таврич., бар. Кене, стр. 227.

[3]) См. Изслѣд. объ исторіи и древн. г. Херсон.-Таврич., бар. Кене, стр. 228. — Bronov., l. c., 6—7.

дующихъ условіяхъ: 1) супружество великаго князя съ греческою царевною Анною; 2) принятіе имъ христіанства; 3) возвращеніе Херсона обратно Византіи, и 4) назначеніе русскаго вспомогательнаго войска противъ варваровъ и мятежниковъ.

По послѣднему вышеприведенному пункту, русскій вспомогательный отрядъ, присоединенный къ императорскимъ войскамъ, сражался съ мятежникомъ Вардасомъ Фокою и побѣдилъ, при Хризополѣ, его союзника Калокира Дельфина (сына Херсонскаго протевона), котораго и посадили на колъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ его шатеръ [1]).

Кромѣ упомянутыхъ выше условій мира, по всѣмъ вѣроятіямъ, Владиміръ получилъ еще отъ побѣжденныхъ драгоцѣнное приданое и богатые дары, между которыми упоминаются великолѣпныя золотыя бармы, украшенныя драгоцѣнными камнями, жемчугами и эмалью, принадлежавшія потомъ, судя по спискамъ XV вѣка, къ сокровищамъ великихъ князей. Эти драгоцѣнности были потомъ закопаны въ неизвѣстное время въ землю, и только въ 1822 году опять отысканы въ Рязани [2]). — По мнѣнію барона Кене, эти вещи должны были быть тѣ самыя, которыя были подарены Владиміру императоромъ Василіемъ, чему служитъ доказательствомъ стиль работы, который можно отнести ко времени пребыванія Владиміра въ Херсонѣ.

Кромѣ бронзовыхъ царскихъ вратъ, взятыхъ Владиміромъ, онъ отвезъ также и четыре бронзовыхъ коня, которые во время лѣтописца Нестора, т. е. болѣе 100

---

1) Leo Diacon. Histor. X, 9, p. 174, ed. Bonn.; Kedren., II, 699; Zonaras II, 221.

2) Descript. du musée du pr. B. Kotchoubey, par le bar. de Koehne, v. I, p. 246.

лѣтъ спустя, стояли еще въ Кіевѣ, на торговой площади[1]).

Когда же Владиміръ оставилъ Херсонъ, совмѣстно съ супругою своею Анною, то вмѣстѣ съ ними отправились также священникъ Анастасій (предатель Херсона), митрополитъ Михаилъ и многочисленное духовенство; кромѣ того великій князь взялъ съ собою мощи св. Климента папы римскаго и его ученика св. Фивы, а также и церковную утварь, и, по прибытіи своемъ въ Кіевъ, сталъ ревностно заниматься крещеніемъ своего народа и несмотря на то, что онъ долженъ былъ вести войны съ своими сосѣдями-язычниками хозарами и печенѣгами, онъ выстроилъ, съ помощью византійскихъ зодчихъ, знаменитую Десятинную церковь въ Кіевѣ, украсивши ее херсонскими образами и утварью. Управленіе этой церкви онъ поручилъ священнику Анастасію. Кромѣ этой церкви, онъ построилъ еще много церквей и, какъ говоритъ знаменитый нашъ исторіографъ, первый смягчилъ нравы дикихъ язычниковъ-руссовъ[2]). Что же касается священника Анастасія, то, по свидѣтельству Карамзина, онъ измѣнилъ и новому своему отечеству въ пользу короля польскаго Болеслава, который сдѣлалъ его своимъ казначеемъ[3]).

Передъ выѣздомъ своимъ изъ Корсуня, великій князь Владиміръ, какъ выше сказано, отдалъ обратно Херсонъ грекамъ, а сыну своему Мстиславу далъ въ удѣлъ Тмутаракань, покоривъ тамъ хозаръ.

Этими свѣдѣніями—которыми мы воспользовались изъ разныхъ источниковъ, но преимущественно изъ сочиненій извѣстнѣйшаго нашего русскаго археолога и нумизмата

---

[1]) Лѣт. Нестора, l. c.

[2]) Карамзинъ, Т. I, 177 и слѣд.

[3]) Карамзинъ, Т. II, 12 и слѣд.

барона Кене[1]),—ограничивается все, что извѣстно о пребываніи въ Тавридѣ нашего Великаго и святаго Равноапостольнаго князя Владиміра и осадѣ имъ Херсона.

Мы встрѣчаемъ далѣе нашихъ геройскихъ предковъ, подъ предводительствомъ ихъ храбраго князя Мстислава, въ рядахъ союзниковъ византійцевъ, въ войнахъ съ хозарами и другими варварами, и между прочимъ въ лѣтописяхъ упоминается русскій военачальникъ Свенке (Свенгъ)—изъ рода великаго князя и, какъ полагаетъ баронъ Кене, можетъ быть, его двоюродный братъ[2]),—который въ союзѣ съ императорскими войсками побѣдилъ послѣдняго хозарскаго хагана Георгія Цула и взялъ его въ плѣнъ, при чемъ русскіе получили, вѣроятно, денежное вознагражденіе и удержали за собою азіятскую часть Босфора, т. е. область Тамань и Тмутаракань. Тамъ съ ихъ помощью покоривъ себѣ косоговъ и хозаръ, въ 1023 году Мстиславъ возвратился въ свое отечество, сдѣлавшись обладателемъ всего востока[3]) Россіи. Но всѣ свѣдѣнія эти о пребываніи нашихъ предковъ въ Тавридѣ и Босфорѣ послѣ возвращенія св. Владиміра въ свое отечество и ихъ дальнѣйшія отношенія къ Греческой имперіи не относятся къ нашему труду, а потому упомянуты здѣсь только вскользь. Всѣ же свѣдѣнія о пребываніи св. Владиміра на Таврическомъ полуостровѣ приведены здѣсь въ возможно подробномъ видѣ, ибо многія изъ нихъ могутъ послужить намъ доказательствами къ опредѣленію нынѣ описываемой замѣчательной монеты.

---

[1]) Изслѣд. объ исторіи и древн. г. Херсонеса-Таврич. и его же описаніе музея князя В. В. Кочубея.

[2]) Изслѣд. объ исторіи и древн. г. Херсонеса-Таврич., стр. 230.

[3]) Изслѣд. объ исторіи и древн. г. Херсонеса-Тавр., бар. Кене, стр. 231, и Карамзинъ, Т. II, 15 и сл.

Въ бытность мою въ нынѣшнемъ году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ Севастополѣ, я пріобрѣлъ нѣсколько очень интересныхъ монетъ, относящихся къ греческому періоду Херсонеса, и вмѣстѣ съ ними нѣсколько монетъ періода византійскаго, на которыя я сначала не обратилъ вниманія; но, благодаря нѣкоторымъ указаніямъ одного просвѣщеннаго любителя-нумизмата, поручика 49 Брестскаго полка Владиміра Александровича Цехановскаго, я увидѣлъ, что монета, принятая мною при поверхностномъ взглядѣ сначала за монету Василія I, какъ извѣстно весьма обыкновенную, оказалась, къ несказанному моему удовольствію, принадлежащею не византійскому Василію, а нашему св. Равноапостольному Владиміру, нареченному потомъ также Василіемъ.

На Av., или лицевой сторонѣ описываемой монеты, изображены большая греческая буква B и въ срединѣ, въ нижнемъ пояскѣ этого B, маленькая буква A. На оборотной сторонѣ, или Rv., изображена монограмма, въ которой, если всмотрѣться внимательно, можно увидѣть, что она составлена изъ греческихъ буквъ B, Λ, A, Δ, I, M, I, P, Ω, Σ, т. е. ΒΛΑΔΙΜΙΡΩΣ. Какъ на лицевой, такъ и на оборотной сторонахъ монеты буквы и монограммы окружены круглыми, изъ небольшихъ точекъ, вѣнками. Вѣсъ этой монеты 3 грамма, металлъ Æ, величина ея $3^1/_2$, по Mionnet (см. приложенную таблицу № 1). Нѣтъ сомнѣнія, что на Av. большая буква B обозначаетъ начальную букву имени Василія, полученнаго Св. Владиміромъ при крещеніи; а буква A, находящаяся въ буквѣ B, обозначаетъ начальную букву имени Анны, т. е. имени супруги св. Владиміра, царевны Анны. Равнымъ образомъ на Rv. монеты монограмма заключается именно изъ всѣхъ буквъ, составляющихъ по-гречески имя «Владиміръ»—что ясно видно на приложенномъ рисункѣ.

Почти такая точно монета была описана покойнымъ г. Сабатье въ его знаменитомъ сочиненіи «Description générale des monnaies Byzantinnes (par J. Sabatier)» [1]), съ маленькимъ впрочемъ измѣненіемъ въ самой верхней буквѣ монограммы, но этотъ извѣстный ученый нумизматъ ошибочно приписываетъ ее императору Роману II и его сыну Василію II, основываясь, вѣроятно, единственно на томъ, что на Rv. монеты, который между прочимъ онъ принимаетъ за Av., онъ видитъ въ монограммѣ только буквы: Ρ, Ω, Μ, Α, изъ чего и заключаетъ, что буквы эти составляютъ имя Романа. Между тѣмъ въ монограммѣ этой, какъ мы сказали выше, кромѣ этихъ четырехъ буквъ ясно видны еще и буквы: Β, Λ, Δ, Ι, и Σ, которыхъ Сабатье и не замѣтилъ.

На лицевой же сторонѣ монеты, а по Сабатье—на оборотной, онъ описываетъ двѣ находящіяся буквы, т. е. большое Β и въ немъ находящееся маленькое Α, не объясняя значенія, почему эта послѣдняя буква тамъ находится. Равнымъ образомъ онъ умалчиваетъ или, лучше сказать, не обращаетъ вниманія на то, что приписываемая имъ на этой монетѣ монограмма весьма разнствуетъ со всѣми монограммами Романа II, находящимися какъ на монетахъ собственно этого императора, такъ и на монетахъ его отца, Константина X, гдѣ также на оборотной сторонѣ изображена монограмма Романа II, во всемъ схожая съ тою, которая постоянно встрѣчается на херсонскихъ монетахъ этого императора и которая рѣзко отличается отъ монограммы нынѣ описываемой монеты, въ чемъ можно ясно убѣдиться изъ сличенія этихъ монетъ между собою [2]).

---

[1]) См. вышеприведенное сочиненіе его, Т. II, стр. 132, таблица XLVII, № 8.

[2]) Для сличенія см. Descript. génér. des mon. byzant., par J. Sabatier, v. I, h. XLVII, №№ 2, 6 и 8.

Итакъ, оборотная сторона, изображающая монограмму, ни въ какомъ случаѣ не схожа съ монограммами Романа II, и тѣмъ болѣе съ монограммою Романа I, которая еще больше отличается отъ монограммы нашей монеты [1]).

Такимъ точно образомъ и лицевая сторона монеты не можетъ быть отнесена къ монетамъ Василія I, имѣющимъ совершенно другой типъ на своемъ Rv.; тогда какъ на Av. мы находимъ на нихъ одну только букву B, правда сходную съ нынѣ описываемою нами буквою, но только безъ другой буквы A, которая впрочемъ и не можетъ имѣть никакого значенія для имени Василія, могущаго быть ясно выраженымъ только одною первоначальною его буквою.

Равнымъ образомъ наша монета не можетъ быть отнесена къ херсонскимъ монетамъ Василія II, которыя также рѣзко отличаются отъ нея какъ по лицевой, такъ и оборотной ихъ сторонамъ, изъ которыхъ первая изображаетъ въ монограммѣ имя Василія, а на второй, также въ монограммѣ, слово Δεσποτον (деспотъ). Это единственныя херсонскія монеты, описанныя бар. Кене, де Солси (de Saulcy) и самимъ Сабатье (Sabatier) [2]), которыя, по ихъ словамъ, могутъ быть отнесены съ достовѣрностію къ херсонскимъ монетамъ царствованія Василія II. Баронъ Кене полагаетъ, что эти единственныя монеты Василія II были выбиты до взятія Корсуня Владиміромъ и этими монетами Василія II оканчиваются извѣстныя доселѣ херсоно-византійскія мѣдныя монеты [3]). Г. Сабатье, упоминая также, что это единственныя

[1]) Смотр. Изслѣд. объ исторіи и древн. г. Херсонеса-Таврич., бар. Кене, таб. VII, № 15 и 16.

[2]) См. Изслѣд. объ истор. и древн. г. Херсонеса-Тавр., бар. Кене, стр. 232.—Saulcy, p. XVIII, № 9, и Sabatier: Descript. des monnaies byzantines, v. II, p. 148 и 149.

[3]) См. Изслѣд. объ исторіи и древн. г. Херсонеса-Тавр., бар. Кене, стр. 232.

мѣдныя монеты, которыя съ достовѣрностію можно отнести къ царствованію Василія II, удивляется, что въ такое долгое царствованіе не сохранилось болѣе мѣдныхъ монетъ въ такомъ, напримѣръ, изобиліи, какъ это видно между золотыми и серебряными, и думаетъ, что, по всему вѣроятію, можно отнести къ этому царствованію часть такъ называемыхъ *безъимянныхъ монетъ* (monnaies anonymes), которыя вообще приписываются царствованію Іоанна Цимисхія [1]).

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ: a) что монета наша не принадлежитъ къ монетамъ Романа II, съ именемъ его сына Василія II, какъ ошибочно описалъ ее г. Сабатье; b) что она также не можетъ быть отнесена къ монетамъ предшествующихъ царствованій, какъ напримѣръ Роману I или Василію I, ибо типъ ихъ чеканки и монограммы съ именами императоровъ рѣзко отличаются отъ нашей; c) что описываемая монета по стилю своему весьма сходна *съ современными* ей монетами Василія II, хотя по изображенію своему отнюдь не имѣетъ ни съ ними, ни даже съ монетами послѣдующихъ царствованій ни малѣйшаго сходства; d) что императоръ Василій II былъ послѣдній византійскій монархъ съ этимъ именемъ, исключая Василія Комнена, который царствовалъ болѣе 400 лѣтъ спустя, и монеты котораго не могутъ быть даже сравниваемы съ монетами Василія II по своей совершенно отличительной формѣ, а именно: онѣ всѣ были углубленныя (monnaies concaves), и что слѣдовательно его послѣдователямъ не было причины послѣ него выбивать начальную букву его имени; e) что монета наша по типу или стилю своему должна быть непремѣнно *современна* монетамъ

---

[1]) См. Descript. générale des monnaies byzantines, par. J. Sabatier, v. II, p. 148 et 149.

Василія II, но отнюдь не принадлежать ему; f) далѣе, что она сходна съ типомъ херсонскихъ монетъ и, слѣдовательно, была выбита въ этомъ городѣ, и наконецъ, h) монета эта принадлежитъ къ числу самыхъ рѣдкихъ и еще неописанныхъ до сего времени монетъ и представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ драгоцѣнный памятникъ для нашей отечественной исторіи.

Высказавши всѣ эти данныя, намъ остается теперь привести тѣ доводы, которые могутъ доказать, что монета наша можетъ быть съ вѣрностью отнесена къ монетамъ св. Владиміра.

Хотя, какъ было сказано въ первой главѣ, подробныхъ свѣдѣній о пребываніи и дѣйствіяхъ св. Владиміра въ побѣжденномъ имъ Херсонѣ мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ, ибо, кромѣ Нестора, многіе изъ византійскихъ историческихъ источниковъ дошли до насъ въ однихъ лишь отрывкахъ, — но во всякомъ случаѣ мы можемъ вѣрно заключить, что великій князь нашъ оставался въ Херсонѣ довольно долго, что доказывается тѣмъ, во 1-хъ, что, послѣ вступленія своего въ городъ, вел. князь долженъ былъ ждать прибытія къ нему своей царственной невѣсты, которая въ тѣ отдаленныя времена, при существовавшемъ тогда сообщеніи, не могла скоро прибыть въ Херсонъ изъ Царьграда, и во 2-хъ, что онъ, послѣ крещенія своего, устроилъ въ Херсонѣ церковь, въ память своего обращенія въ христіанскую вѣру, на той самой земляной насыпи, которую осажденные сдѣлали посреди города, и для устройства которой необходимо было также не мало времени. Такимъ образомъ пребываніе св. Владиміра въ Херсонѣ было весьма продолжительно, при чемъ, разумѣется, должно было во все время находиться и его войско, безъ котораго князю было бы немыслимо оставаться въ только-что покоренномъ имъ го-

родѣ; въ виду этого предстояли и большіе расходы, для которыхъ необходимы были деньги. Вотъ почему, по всему вѣроятію, князь, кромѣ полученныхъ имъ въ видѣ военнаго вознагражденія отъ побѣжденной имъ Византіи денегъ, приказалъ чеканить, въ Херсонѣ же, и свои собственныя деньги какъ для раздачи въ жалованье своему войску, такъ и на другіе расходы.

Чеканка монетъ побѣдителями въ покоренныхъ ими странахъ или городахъ часто встрѣчается въ исторіи, почему и чеканка монетъ Владиміромъ въ завоеванномъ имъ Херсонѣ не должна подлежать сомнѣнію, какъ общепринятый въ этихъ случаяхъ обычай. Деньги эти, очевидно, были выбиты тѣми самыми монетчиками, которые чеканили монеты Василія II, ибо стиль работы какъ первыхъ, такъ и послѣднихъ весьма сходенъ. Желая же ознаменовать свой союзъ съ византійской царевною, Владиміръ вѣроятно приказалъ, вмѣстѣ съ вензелемъ своего имени, выставить и вензель своей супруги.

Что касается монограммы, выражающей собою имя Владиміра, то нужно полагать, что великій князь помѣстилъ въ ней и свое прежнее имя собственно для своего войска, чтобы не сдѣлать вдругъ рѣзкой перемѣны въ своемъ имени, такъ какъ тогда, кромѣ его самого и самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ, всѣ оставались еще язычниками, и слѣдовательно, окончательная перемѣна не только религіи, но даже имени ихъ верховнаго вождя на иностранное, могла бы неблагопріятно повліять на ихъ національное чувство. Равнымъ образомъ монограмма съ прежнимъ именемъ великаго князя могла быть помѣщена на его монетахъ еще и для того, чтобы болѣе отличить ихъ отъ монетъ его царственнаго шурина.

Если г. Сабатье, описывая эту монету, смѣло причислилъ ее къ монетамъ Романа II и его сына Василія единственно по той причинѣ, что въ монограммѣ ея онъ увидѣлъ всего только четыре буквы: Р, Ѡ, М, А, а на лицевой сторонѣ букву В., несмотря на то, что кромѣ нея находилась еще, какъ выше сказано, и другая буква, о которой онъ вовсе умалчиваетъ,—то не гораздо ли болѣе заслуживаетъ вниманія наше нынѣшнее ея опредѣленіе, на основаніи вышеизложеннаго мнѣнія, что буква на лицевой сторонѣ монеты, именно В, означаетъ имя великаго князя, принятое имъ послѣ св. крещенія, т. е. «Василій», а буква А — имя его царственной супруги. Равнымъ образомъ и на оборотной ея сторонѣ монограмма заключаетъ въ себѣ не только четыре усмотрѣнныя г. Сабатье буквы, но и остальныя, необходимыя для составленія имени Владиміра. Кромѣ того здѣсь еще слѣдуетъ замѣтить, что монограмма эта нигдѣ не встрѣчается, ни на одной изъ монетъ византійскихъ императоровъ, а только на нынѣ описываемой.

До сихъ поръ эти мѣдныя херсонскія монеты Владиміра очень рѣдки, и кромѣ экземпляра, ошибочно описаннаго г. Сабатье, и нашего, — мы видѣли еще только одну такую же монету у г. Цехановскаго, въ Севастополѣ.

Нужно надѣяться, что при дальнѣйшихъ раскопкахъ херсонесскихъ развалинъ такія монеты будутъ еще находимы, можетъ быть даже и изъ другого металла, что очень вѣроятно, если вспомнить, что св. Владиміръ долго находился въ стѣнахъ этого города и, главное, находился въ немъ какъ побѣдитель, полнымъ его хозяиномъ, получившимъ притомъ богатую военную контрибуцію, и слѣдовательно, располагая цѣннымъ металломъ, имѣлъ полную возможность чеканить монеты какъ изъ серебра, такъ и изъ золота.

Впослѣдствіи, при дальнѣйшей находкѣ такихъ же его

монетъ, можно еще больше убѣдиться во всемъ нами приведенномъ. Во всякомъ случаѣ нынѣ описанная херсонская монета пополняетъ полученныя отрывочныя свѣдѣнія о занятіи города Корсуня св. Владиміромъ и доказываетъ еще болѣе, что онъ, оставаясь долгое время въ этомъ городѣ, распоряжался въ немъ какъ полновластный хозяинъ и даже чеканилъ тамъ свою монету.

Для насъ, русскихъ, всякое новое свѣдѣніе о жизни и дѣйствіяхъ св. Равноапостольнаго великаго князя Владиміра и о пребываніи его въ Херсонѣ, откуда возсіялъ свѣтъ христіанства для нашего отечества, весьма важно; поэтому мы полагаемъ, что до сего времени неизданное описаніе этой монеты будетъ съ удовольствіемъ встрѣчено любителями нашей отечественной исторіи и нумизматики, которыхъ мы вмѣстѣ съ симъ покорнѣйше просимъ быть благосклонными и снисходительными къ этому труду, написанному не ученымъ нумизматомъ, а страстнымъ любителемъ нумизматики, пожелавшимъ подѣлиться съ ними своею радостью по случаю находки важнаго историческо-нумизматическаго памятника, — памятника, повторяемъ, доселѣ неизвѣстнаго и нигдѣ не описаннаго.

Если мы беремъ на себя, можетъ быть, и черезъ-чуръ большую смѣлость, въ нѣкоторыхъ частяхъ настоящаго труда, составлять окончательное опредѣленіе на основаніи только однихъ гипотезъ, — то мы дѣлали это единственно съ тою цѣлью, чтобы вызвать компетентныхъ лицъ на разъясненія и опроверженія столь интереснаго для насъ, русскихъ, вопроса о нигдѣ еще не описанной монетѣ св. Равноапостольнаго в. к. Владиміра.

Г. Ялта.
7 октября 1879 года.

II

Изслѣдованіе о вновь найденномъ херсонесскомъ бронзовомъ медаліонѣ древняго греческаго періода.

Кромѣ описанной замѣчательной монеты св. Равноапостольнаго князя Владиміра, въ Севастополѣ же пріобрѣтена нами рѣдчайшая и доселѣ нигдѣ не описанная, единственная бронзовая монета, которую какъ по величинѣ своей, такъ и по изображеніямъ на ней существующимъ, можно отнести къ самымъ драгоцѣннѣйшимъ нумизматическимъ памятникамъ древняго Херсонеса. Монету эту, по всей справедливости, можно скорѣе назвать *бронзовымъ медаліономъ*, ибо величиною своею она превосходитъ даже тѣ двѣ серебряныя дидрахмы, названныя медаліонами и описанныя барономъ Кене, которыя теперь хранятся въ Императорскомъ эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ.

На лицевой сторонѣ этой монеты изображена голова Артемиды съ волосами, собранными на темени узломъ; на шеѣ замѣтна верхняя часть хитона, позади ея—лукъ и колчанъ, за которымъ монограмма ΦΡ. Впереди лица видны слѣды буквъ, составлявшихъ, вѣроятно, какое нибудь имя, но,

къ сожалѣнію, кромѣ двухъ буквъ, а именно: кажется А, видимой весьма слабо, и Ω — довольно отчетливо, — всѣ остальныя такъ стерты, что нѣтъ никакой возможности разобрать ихъ. Изображеніе же головы, равно какъ и всѣ черты лица, волосы, лукъ и колчанъ сохранились замѣчательно, и вся фигура головы богини представлена весьма выпукло. Также точно можно весьма отчетливо разобрать и вышепоказанную монограмму.

На оборотной сторонѣ изображена обращенная вправо голова мужчины съ лавровымъ вѣнкомъ и съ бородою. Вокругъ головы, судя по пространству мѣста, хотя и можно предполагать существованіе прежде какой либо на немъ надписи, но нынѣ нѣтъ и слѣдовъ ея, кромѣ небольшихъ, едва видимыхъ точекъ, которыя, по всему вѣроятію, составляли на краю монеты цѣлый кругъ. Металлъ этой монеты Æ. Вѣсъ ея 19 граммовъ и 17 сантиграммовъ. Величина ея 8, по Mionnet (см. на приложенной таблицѣ № 2).

Что описываемую монету можно смѣло причислить къ херсонесскимъ монетамъ, ясно доказывается слѣдующими доводами: во 1) монограмма, находящаяся за головою Артемиды, постоянно встрѣчается на херсонесскихъ монетахъ, въ особенности на монетахъ, отнесенныхъ барономъ Кене ко второму римско-босфорскому періоду; хотя впрочемъ такая же монограмма встрѣчается и на монетахъ перваго періода [1]. По объясненію барона Кене, монограмма эта выражаетъ собою почетное имя города, т. е. ΠΑΡΘ (παρθενοαλῆς), въ которомъ происходило служеніе дѣвственной богинѣ. Насколько точно опредѣленіе бар. Кене значенія этой монограммы, мы здѣсь не будемъ распространяться,

---

[1]) См. Изслѣдов. объ исторіи и древн. г. Херсонеса-Таврическ., бар. Кене, стр. 146.

ибо полагаемъ, что это можно утверждать только одними догадками, какъ впрочемъ выражаетъ и самъ знаменитый нашъ нумизматъ. Для насъ же монограмма эта имѣетъ то важное значеніе, что она ясно доказываетъ, что монета наша принадлежитъ Херсонесу. 2) Другимъ доказательствомъ принадлежности монеты Херсонесу служитъ то, что она найдена на берегу моря, близъ самыхъ развалинъ этого города, вмѣстѣ съ многими другими херсонесскими монетами. Хотя противъ этого можно возразить, что часто находятъ вмѣстѣ съ туземными монетами и монеты иностранныя — что въ особенности можетъ имѣть мѣсто въ такомъ городѣ, какимъ былъ тогда Херсонесъ, который имѣлъ по торговлѣ своей сношенія чуть ли не съ цѣлымъ тогдашнимъ міромъ, — однако возраженіе это едва ли можетъ поколебать наше заключеніе, такъ какъ принадлежность этой монеты Херсонесу доказывается не только мѣстомъ ея находки, но и другими существенными и неопровержимыми данными, которыя еще болѣе подкрѣпляются вышеприведеннымъ объясненіемъ. Наконецъ, 3) самый типъ главной богини Херсонеса — Артемиды, изображенной на монетѣ съ ея атрибутами, во всемъ сходенъ съ изображеніями ея на прочихъ херсонесскихъ монетахъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ тотъ же головной уборъ ея, тѣ же лукъ и колчанъ, неизмѣнно находящіеся при всѣхъ ея изображеніяхъ, и даже начало хитона возлѣ ея шеи: это также служитъ однимъ изъ доказательствъ, что это именно херсонесская Артемида, такъ какъ въ этомъ городѣ ея весьма рѣдко изображали вполнѣ обнаженною; если же и встрѣчается она на нѣкоторыхъ монетахъ обнаженною, то только на тѣхъ изъ нихъ, которыя принадлежатъ къ позднѣйшему періоду, именно—къ концу романо-босфорскаго періода.

Также точно на оборотной сторонѣ монеты видимъ ту же голову мужчины, которую баронъ Кене называлъ Зев-

сомъ и которая находится на нѣкоторыхъ описанныхъ имъ монетахъ, причисленныхъ весьма вѣрно, судя по ихъ чеканкѣ, къ романо-босфорскому періоду [1]). Эта голова по выраженію лица ея, повторяемъ, во всемъ схожа съ головами, находящимися на описанныхъ барономъ Кене монетахъ, съ тою только разницею, что она изображена гораздо болѣе отчетливо и болѣе художественно. При сличеніи изображеній той же головы на нашей монетѣ и на монетахъ, описанныхъ бар. Кене, видно, что это одно и то же лицо, съ тою только разницею, что лицо на нашей монетѣ сдѣлано артистически, чѣмъ подтверждается мнѣніе, что она принадлежитъ къ гораздо болѣе древнему періоду, нежели тѣ, которыя описаны барономъ Кене.

Всего вышеприведеннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы вполнѣ убѣдиться, что предметъ настоящаго разсужденія можно безошибочно и вѣрно отнести къ нумизматическимъ памятникамъ Херсонеса, съ которыми онъ вполнѣ сходенъ, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесенъ къ древнимъ монетамъ какой нибудь другой страны или города.

Доказавъ принадлежность нашей монеты Херсонесу, а равно, что на лицевой ея сторонѣ изображена голова херсонесской Артемиды, намъ слѣдуетъ теперь высказать наше мнѣніе о головѣ, изображенной на ея оборотной сторонѣ, а также опредѣлить, къ какому именно періоду жизни Херсонеса слѣдуетъ ее причислить.

Баронъ Кене въ «Изслѣдованіи» своемъ «объ исторіи и древностяхъ города Херсонеса-Таврическаго», описывая типы монетъ втораго періода, говоритъ между прочимъ, что «Зевса нѣтъ на монетахъ перваго періода; изъ чего можно заключить,

---

[1]) См. Изслѣд. объ исторіи и древн. г. Херсонеса-Таврич., бар. Кене, стр. 137, № 51, 52, и на стр. 132, № 53 до 57 включительно, табл. V, № 17.

что служеніе ему установлено въ Херсонесѣ только впослѣдствіи. Онъ же и не принадлежитъ къ главнымъ дорическимъ божествамъ; по крайней мѣрѣ въ Дорической области не было ни одного важнаго храма, посвященнаго ему»[1]).

Изъ этого явствуетъ, по словамъ ученаго нумизмата и археолога, считающагося, совершенно заслуженно, за авторитетъ, что такъ какъ въ древнемъ періодѣ Херсонеса не было особаго культа Зевсу, то и его изображенія не встрѣчаются на монетахъ этого періода, ибо херсонесцы были также дорическаго происхожденія и, слѣдовательно, почитали только тѣхъ боговъ, которые были чтимы въ ихъ первоначальной метрополіи.

Появленіе же изображенія Зевса на монетахъ второго періода баронъ Кене приписываетъ чужеземному вліянію, въ особенности римскому, которое въ то время проникло и на крайній рубежъ Римской имперіи, т. е. и въ Херсонесъ; вотъ почему тамъ и стали тогда появляться монеты съ изображеніемъ Зевса. Нужно думать, что онѣ чеканились не слишкомъ долго, такъ какъ подобныя монеты попадаются не особенно часто, тогда какъ съ изображеніемъ главнаго божества Херсонеса — съ Артемидою, или съ Аполлономъ и Геркулесомъ, онѣ почти постоянно встрѣчаются въ оба періода, до самой византійской эпохи, когда вліяніе христіанства распространилось на все и даже на чеканку монетъ, вслѣдствіе чего монеты имѣли отъ прежнихъ древнихъ рѣзкое отличіе.

Если такой авторитетъ, какъ баронъ Кене, признаетъ, что въ первомъ, древнемъ періодѣ Херсонеса не было культа Зевсу и, слѣдовательно, не могло быть его изображеній на

---

[1]) См. Изслѣдов. объ исторіи и древн. г. Херсонеса-Тавр., бар. Кене, стр. 144.

монетахъ этого города, то является вопросъ: чье же изображеніе мы видимъ на оборотной сторонѣ нашей монеты? Монета же эта, повторяемъ, по своей художественной отдѣлкѣ и по уцѣлѣвшимъ буквамъ, а именно по Ω на лицевой сторонѣ ея (о которой тоже будетъ говорено подробнѣе), можетъ быть приписана не иначе, какъ къ первому древнему греческому періоду.

Въ самомъ дѣлѣ, если это не Зевсъ, то тѣмъ болѣе нельзя думать, что это изображеніе какого нибудь другого божества, какъ напримѣръ, Нептуна, Марса, Аполлона, Пана, или другихъ. Всѣ эти божества, на монетахъ или въ изваяніяхъ, изображались всегда, съ рѣдкими, впрочемъ, исключеніями, съ своими непремѣнными атрибутами. Такъ напримѣръ: Зевсъ громовержецъ изображался съ молніями, Нептунъ—съ рогаткою, Аполлонъ—съ лирою, а въ Херсонесѣ даже главная его богиня—Артемида, изображалась также большею частью съ лукомъ и колчаномъ, а равно съ посвященными ей животными: оленемъ и быкомъ и т. п.[1])

Если же на нѣкоторыхъ монетахъ она изображена и безъ атрибутовъ, что, повторяемъ, случалось весьма рѣдко, то это единственно, какъ нужно полагать, оттого, что она была первенствующимъ божествомъ города и что изображеніе ея было постоянно видимо въ ея храмахъ, въ воздвигнутыхъ въ честь ея статуяхъ, съ которыхъ художники срисовывали и самое изображеніе ея лица и потомъ чеканили его и на монетахъ. Такимъ образомъ, для распознаванія типа Артемиды, какъ всѣмъ и каждому изъ тогдашнихъ жителей вполнѣ извѣстнаго, не требовалось особенныхъ

---

[1]) См. Изслѣд. объ истор. и древн. г. Херсонеса-Таврическ., бар. Кене, стр. 60.

атрибутовъ. Напротивъ того, прочія божества, даже такія, которыя послѣ Артемиды считались въ этомъ городѣ главными, какъ напримѣръ Аполлонъ и Геркулесъ, всегда изображались: первый съ своей неизмѣнной лирою, а второй— съ львиною шкурою или палицею. Вотъ почему, принимая въ соображеніе всѣ эти данныя, можно съ достовѣрностію сказать, что если бы на описываемой монетѣ было изображеніе Зевса или другого какого нибудь божества изъ менѣе чтимыхъ въ Херсонесѣ, то оно непремѣнно было бы съ присвоенными каждому изъ нихъ атрибутами для лучшаго его распознаванія. Между тѣмъ на нашей монетѣ мы видимъ лишь одну мужскую голову, увѣнчанную лавровымъ вѣнкомъ, и притомъ безъ всякихъ посторонних изображеній, которыхъ даже нѣтъ и слѣдовъ. Если бы монета эта была въ менѣе сохранномъ видѣ, то можно было бы предположить, что они стерлись отъ времени; но здѣсь этого нельзя допустить, такъ какъ изображеніе головъ сохранилось почти *à fleur de coin*. Монограмму ея можно также весьма ясно разобрать, и если надпись на лицевой ея сторонѣ и изгладилась, то тѣмъ не менѣе видны слѣды ея, даже довольно ясно, и двѣ ея буквы. Слѣдовательно, если замѣтны слѣды надписи, которая обыкновенно чеканилась менѣе выпуклою, чѣмъ другіе предметы на монетѣ, то тѣмъ болѣе должны были бы остаться слѣды атрибутовъ изображеннаго божества, которыхъ, повторяемъ, здѣсь нѣтъ и слѣдовъ. Принявъ въ соображеніе все вышесказанное, мы теперь видимъ, что лицо, изображенное на оборотной сторонѣ нашей монеты, ни въ какомъ случаѣ нельзя почесть за лицо какого нибудь миѳологическаго божества, а что оно, напротивъ, должно изображать собою портретъ какого нибудь знаменитаго мужа, которому городъ Херсонесъ обязанъ былъ или спасеніемъ своимъ отъ враговъ, или же

другимъ какимъ нибудь благодѣяніемъ. Лицо это, по всему вѣроятію, должно изображать какого нибудь полководца или протевона, въ честь коего, въ знакъ благодарности и для увѣковѣченія его славныхъ подвиговъ, жители города Херсонеса воздвигли статую и чеканили его изображеніе на монетахъ своихъ.

Но такъ какъ по величинѣ своей монета эта не подходитъ къ общепринятому въ тогдашнемъ Херсонесѣ размѣру денегъ, то, можетъ быть, она изображала собою не монету, а была медалью, выбитою исключительно въ память извѣстнаго событія, которая вмѣстѣ съ симъ могла имѣть обращеніе въ видѣ монеты, напримѣръ, при религіозныхъ обрядахъ въ храмахъ, на подобіе древнихъ еврейскихъ сиклей, какъ извѣстно, имѣвшихъ обращеніе единственно въ храмахъ, тогда какъ для обыденной жизни употреблялась другая монета [1]). Разумѣется, доказать въ точности, что описываемая монета принадлежитъ къ числу монетъ, употреблявшихся только въ исключительныхъ случаяхъ, или же что она просто медаль,— весьма трудно, и мы можемъ только предполагать это, сравнивая ее по вѣсу и величинѣ съ прочими монетами города Херсонеса, чеканенными во времена древняго его періода. Можетъ быть, впослѣдствіи, когда будутъ найдены подобные экземпляры, сходные съ нашею монетою, можно будетъ съ большею точностью рѣшить этотъ вопросъ; теперь же, при настоящихъ данныхъ, возможно, повторяемъ, допустить одно только предположеніе, что описываемая нами находка — не монета, а медаль, выбитая въ память извѣстнаго событія или знаменитаго лица.

Доказавъ выше, что лицо на оборотной сторонѣ не есть

---

[1]) См. нашу брошюру: Dissertation sur une monnaie inédite d'un roi inconnu du Bosphore Cimmer. Inéèus etc., p. 31, 32. Paris, 1876.

лицо миѳологическаго божества, а напротивъ, обыкновеннаго смертнаго, мы должны постараться опредѣлить (если, къ сожалѣнію, не положительными доказательствами, то по крайней мѣрѣ путемъ изслѣдованій историческихъ событій города Херсонеса перваго періода), чье именно изображеніе на нашемъ медаліонѣ, и какія были побудительныя причины къ чеканкѣ онаго.

Если бы не типъ чеканки нашего медаліона, равно какъ и одна изъ уцѣлѣвшихъ буквъ въ изглаженной временемъ надписи, доказывающихъ принадлежность его къ древнему греческому періоду города, — намъ легко было бы отнести интересующее насъ изображеніе къ изображеніямъ одного изъ протевоновъ, которому обязанъ былъ Херсонесъ своимъ спасеніемъ, какъ напримѣръ, Биску—сыну Суполиха, разбившему на голову сарматовъ при Каффѣ, послѣ чего предѣлы Херсонесской области распространились до Каффы,— или же Фарнаку, сыну Фарнака, спасшему свое отечество единоборствомъ своимъ съ царемъ босфорскимъ Савроматомъ, котораго поразилъ и этимъ одержалъ окончательную побѣду надъ врагомъ,— или же наконецъ — къ протевону Ламаху, отцу знаменитой Гикіи, спасшей отъ непріятельскаго заговора (въ которомъ главнымъ образомъ участвовалъ ея мужъ) свой родной городъ [1]). Но увы! всѣ эти событія относятся къ позднѣйшему времени, именно — къ романо-босфорскому періоду, когда чеканка монетъ приближалась къ упадку въ художественномъ отношеніи, и когда самая форма буквъ греческаго языка, благодаря римскому всепоглощающему вліянію, также измѣнилась, какъ напримѣръ, **Ω** пре-

---

[1]) См. Изслѣдов. объ исторіи и древн. г. Херсонеса-Тавр., бар. Кене, стр. 109 по 116.

вратилось въ Ш[1]). Между тѣмъ наша медаль какъ по своей художественной отдѣлкѣ, такъ и по формѣ буквъ, безспорно относится къ чисто греческому періоду, въ эпохѣ котораго, слѣдовательно, намъ и нужно продолжать наше изслѣдованіе; хотя, къ сожалѣнію, объ этой эпохѣ до насъ дошли весьма, и весьма скудныя подробности.

Мы знаемъ только, что Херсонесъ въ это время, какъ равно и въ послѣдующія затѣмъ времена своего существованія, имѣлъ постоянныя войны съ сосѣдними варварскими народами, причинявшими ему большой вредъ [2]). Въ особенности же скиѳы, подъ предводительствомъ своего храбраго царя Скилура — царствовавшаго до глубокой старости и имѣвшаго, по свидѣтельству Посидонія 50, а по свидѣтельству Аполлонида 80 сыновей—наносили неоднократно страшные удары Херсонесской республикѣ, такъ что она должна была наконецъ обратиться къ могущественному тогда царю Миѳрадату VI Эвпатору Великому и просить его помощи; но помощь эта, какъ говоритъ бар. Кене, стоила имъ дорого, потому что они купили ее цѣною свободы [3]).

Миѳрадатъ Великій, которому тогда было всего 25 лѣтъ, съ радостію принялъ предложеніе херсонесцевъ, равно какъ и царствовавшаго въ то время въ Босфорѣ Перисада III, также просившаго его помощи противъ варваровъ, — и немедля отправилъ противъ нихъ войско изъ 6,000 чело-

---

[1]) См. наши брошюры: Notice sur une médaille inédite, ainsi que sur deux autres très rares de Pharzoïos et de Kerkinitis, p. 5, Nice, 1870.—Неизданный статеръ Херсонеса-Таврическаго съ именемъ царя Эгетуагароса, стр. 13 и 14. Кіевъ, 1874 г. — Dissertation sur une monnaie inédite d'un roi inconnu du Bosphore Cimmérien Inéèus, p. 27. Paris, 1876.

[2]) См. Strabo, l. c., № 2103, и Изслѣд. объ исторіи и древн. г. Херсон.-Тавр., бар. Кене, стр. 13.

[3]) См. Изслѣдов. объ исторіи и древн. г. Херсон.-Тавр., бар. Кене, стр. 14.

вѣкъ, подъ предводительствомъ знаменитаго своего полководца Діофанта, прадѣда Страбона, которому мы обязаны всѣми дошедшими до насъ свѣдѣніями объ этомъ походѣ [1]). Діофантъ — несмотря на то, что царь Скилуръ вывелъ противъ него большую армію съ союзниками своими роксоланами, которые доставили ему подъ предводительствомъ Тазія (Tasios) 50,000 однихъ всадниковъ—разбилъ па голову своимъ малочисленнымъ, но хорошо организованнымъ войскомъ это нестройное скопище номадовъ, потерявшихъ огромное число убитыми. Роксоланы эти, по свидѣтельству Страбона, были вооружены шлемами и панцырями изъ кожи, сплетенными изъ прутьевъ щитами, копьями, мечами и луками. Мѣсто ихъ жительства знаменитый географъ опредѣляетъ между Борисѳеномъ и Танаисомъ, т. е. нынѣшнимъ Днѣпромъ и Дономъ. По всѣмъ вѣроятіямъ въ это же самое время другой полководецъ Миѳрадата, Неоптолемъ, въ свою очередь разбилъ въ проливѣ скиѳовъ, обитавшихъ въ восточной части полуострова, между Пантикапеею и Фанагоріею, и потомъ, высадивши свои войска зимою, вновь разбилъ ихъ. Дальнѣйшія подробности этой войны не дошли до насъ; извѣстны только одни ея результаты, а именно: три скиѳскія крѣпости — *Палакіонъ* [нынѣшняя Балаклава, названная тогда Палакіономъ въ честь ея строителя Палака, сына Скилура], потомъ *Неаполисъ* и *Хаосъ*—были взяты у нихъ; скиѳы же, разбитые подъ укрѣпленною стѣною Ктенуса (нынѣшній Севастопольскій рейдъ) [2]), которою напрасно старались овладѣть, были совершенно изгнаны, равно какъ и ихъ союзники, изъ полуострова, который съ того

---

[1]) См. Casaub. Comment. in Strab, 1, и Изслѣдов. объ исторіи и древн. г. Херсон.-Тавр., бар. Кене, стр. 15, а также Strab., Libr. VII, ed. Casaub. p. 32, ed. Kamer., p. 212, а также и разн. мѣст. Strabo II и VII книгъ.

[2]) См. Описаніе Иракл. полуостр., Захарія Аркаса, стр. 2.

времени и былъ занятъ Понтійскими силами, остававшимися въ немъ почти *цѣлое полустолѣтіе.* Самъ царь Скилуръ, Палакъ и остальные сыновья его попались имъ въ плѣнъ.—

По свидѣтельству Страбона, Миѳрадатъ обращался съ новыми своими подданными весьма милостиво, опредѣливъ съ нихъ ежегодную подать въ 180,000 медимовъ хлѣба и 200 талантовъ серебра. Эта подать, какъ думаетъ бар. Кене, едва могла покрывать его издержки на оставленное имъ тамъ войско, если принять въ расчетъ, что нѣкогда Левконъ, царь босфорскій, послалъ аѳинянамъ изъ Ѳеодосіи 2.100,000 медимовъ хлѣба, а Египетъ, по свидѣтельству Цицерона, ежегодно уплачивалъ Риму 12,500 талантовъ подати [1]). Оставивъ Діофанта въ Херсонесѣ, Миѳрадатъ повелѣлъ ему, для обезпеченія городу разработки соленаго озера, на западномъ берегу полуострова, построить подлѣ озера замокъ, названный по его имени «Эвпаторіею». Замокъ этотъ находился въ глубинѣ залива, который, по словамъ барона Кене, есть, навѣрно, Ктеноскій заливъ и который не должно смѣшивать съ городомъ Евпаторіею, упоминаемою у Птоломея и у Аммiана Марцелина. Прежнюю стѣну,—устроенную херсонесцами изъ большихъ камней, безъ извести, и укрѣпленную башнями, на косѣ, и продолжавшуюся отъ Ктенуса до Балаклавы,—Діофантъ укрѣпилъ валомъ и рвомъ въ 15 стадій длины, соединивъ такимъ образомъ Эвпаторію съ областью Херсонеса и этимъ обезпечивъ ему окончательно разработку бывшаго, а нынѣ совершенно изсякшаго, соленаго озера. Муравьевъ-Апостолъ, въ своемъ путешествіи по Тавридѣ, и Дюбуа совершенно вѣрно, по словамъ барона Кене, опредѣляютъ нынѣшній Инкерманъ,

---

[1]) См. Strabo, l. c., 213, и Изслѣд. объ исторіи и древн. Херсон.-Тавр., бар. Кене, стр. 16.

какъ мѣсто бывшей древней Евпаторіи, построенной Діофантомъ на возвышенной мѣстности, чтобы обезпечить себѣ свободное отступленіе, въ случаѣ опасности, по Ктенуской гавани, или нынѣшнему Севастопольскому заливу. Благодаря устроенной Діофантомъ стѣнѣ, простиравшейся около 13 верстъ, или 75 стадій, и защищавшей полуостровъ отъ скиѳскихъ набѣговъ, совмѣстно съ устроенными защитами въ нѣсколькихъ пристаняхъ полуострова,—жители его могли безпрепятственно заниматься винодѣліемъ и хлѣбопашествомъ, не будучи постоянно тревожимы варварами, и это спокойствіе, по всей вѣроятности, благодаря заботамъ Діофанта, продолжалось во все время его тамъ управленія.

По занятіи Миѳрадатомъ Таврическаго полуострова, онъ вскорѣ, какъ извѣстно, началъ пагубную для себя войну съ римлянами и, вѣроятно, не принималъ уже прямого участія въ управленіи этимъ краемъ, назначивъ своего сына *Махара* намѣстникомъ своимъ въ Босфорскомъ царствѣ. Послѣ Махара не осталось ни монетъ, ни другихъ памятниковъ. Мы знаемъ только, что онъ впослѣдствіи измѣнилъ своему отцу, и когда одно время Миѳрадату опять улыбнулось счастье и онъ, поразивъ своихъ враговъ, возвратился въ Босфоръ, то Махаръ въ испугѣ убѣжалъ въ Херсонесъ и тамъ сжегъ корабли, чтобы отнять у отца своего возможность преслѣдовать его. Когда же Миѳрадатъ соорудилъ другіе корабли, то Махаръ, чтобы не попасться живымъ отцу своему, лишилъ себя жизни въ Херсонесѣ въ 25 году до Р. Х , на четырнадцатомъ году своего управленія Босфорскимъ царствомъ [1]).

Впослѣдствіи, какъ извѣстно, Миѳрадату Великому переходило поперемѣнно счастье и онъ завоевывалъ Тав-

---

[1]) См. Appian, l. c., p. 102, Dio, 36.

рическій полуостровъ, но утвердить въ немъ свое господство на долгое время не могъ, по причинѣ постоянныхъ измѣнъ со стороны лицъ, его окружавшихъ, не только полководцевъ, какъ напр. Кастора, взбунтовавшагося и взявшаго Фанагорію и полонившаго тамъ нѣсколькихъ сыновей и дочерей своего повелителя, но даже одной изъ его женъ, Стратоники, которая измѣннически предала Помпею — находившійся близъ Пантикапеи замокъ, гдѣ были всѣ сокровища царя[1]). Въ это-то время, хотя семидесятилѣтній Миѳрадатъ продолжалъ еще борьбу свою съ Римомъ, но Херсонесъ, Нимфеонъ и Ѳеодосія сдались уже римлянамъ. Несмотря на это Миѳрадатъ Великій, вновь вступивъ въ союзъ съ прежними своими врагами—сарматами, роксоланами и сираками, владѣтелямъ которыхъ онъ обѣщалъ дочерей своихъ въ замужество, — опять покорилъ большую часть Босфора; но счастье ему вскорѣ измѣнило и онъ погибъ, благодаря гнусной измѣнѣ его же собственныхъ воиновъ и въ особенности его любимаго сына Фарнака, который на глазахъ отца своего, запершагося въ Пантикапеѣ, принялъ начальство надъ мятежниками и, за недостаткомъ вѣнца, возложилъ на голову свою вѣнокъ изъ растенія папируса. Миѳрадатъ, видя свое безвыходное положеніе, старался отравиться, но тщетно, и потому закололъ себя мечемъ при помощи своего оруженосца, одного галла, по имени Битика. Это случилось въ 64 году до Р. X., и, съ кончиною Миѳрадата, весь Таврическій полуостровъ подчинился римлянамъ.

Кромѣ вышеприведенныхъ свѣдѣній, мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакихъ другихъ историческихъ фактовъ, относящихся къ древнему греческому періоду Херсонеса. Мы нигдѣ не встрѣчаемъ ни одного имени какого нибудь проте-

---

[1]) См. Appian, l. c., p. 111.

вона или полководца, начальствовавшихъ въ этомъ періодѣ надъ Херсонесскою республикою; почему полагаемъ, что особенно выдающихся изъ нихъ какими нибудь заслугами или благодѣяніями для города не было; въ противномъ случаѣ, хотя можетъ быть тогда и не было мѣстныхъ историографовъ, однакоже имя какого нибудь особо отличившагося государственнаго мужа могло бы обезсмертиться и передаться потомству чрезъ другіе иностранные историческіе источники или чрезъ археологическо-нумизматическіе памятники, какъ это часто встрѣчается въ древней исторіи.

Единственныя имена, оставшіяся намъ изъ этого періода и игравшія важную роль въ тогдашней эпохѣ Херсонеса, были, какъ мы видѣли, три, а именно: *Миѳрадатъ Великій*, сынъ его *Махаръ* и, наконецъ, знаменитый полководецъ *Діофантъ*. Въ особенности же первое и послѣднее изъ этихъ трехъ лицъ повліяли на судьбу Херсонеса. Хотя мы и не видимъ изъ исторіи, что Миѳрадатъ лично участвовалъ какъ въ оборонѣ Херсонеса противъ Скилура и его полчищъ, такъ и въ непосредственныхъ распоряженіяхъ своихъ о благоустройствѣ города, — тѣмъ не менѣе, и безъ личнаго участія своего, все же, разумѣется, былъ главнымъ виновникомъ всего тогда происшедшаго: по его волѣ состоялась защита, по его волѣ Діофантъ остался въ видѣ его намѣстника и заботился о благосостояніи республики, защищенной отъ варваровъ и взятой подъ Понтійское покровительство. Хотя покровительство это въ сущности было фиктивное, ибо отношенія между херсонесцами и Миѳрадатомъ были скорѣе какъ подданныхъ къ своему царю, а не какъ состоящихъ только подъ его покровительствомъ; но однако мы нигдѣ не видимъ изъ исторіи, чтобы Понтійскій царь перемѣнилъ окончательно форму правленія въ этомъ городѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ оно нисколько не измѣнилось по на-

ружному его виду, и прежніе протевоны, или городскіе начальники, продолжали управлять республикою, но только, какъ нужно думать, съ согласія верховнаго покровителя своего, Миѳрадата, или, вѣрнѣе, его намѣстника, Діофанта. Вѣроятно Миѳрадатъ, не желая унизить національную гордость вновь пріобрѣтенной имъ такъ нечаянно области, пожелалъ оставить прежнюю наружную форму строя управленія и относился къ жителямъ ея, какъ мы видѣли, весьма милостиво и кротко. Но вмѣстѣ съ симъ внутренно сознавалъ и считалъ себя царемъ Херсонеса, что доказывается тѣмъ, что онъ чеканилъ въ этомъ городѣ монету съ своимъ изображеніемъ, а какъ всѣмъ извѣстно, право чеканки монетъ есть одна изъ прерогативъ верховной власти. Такъ напр., извѣстны его тетрадрахмы, на лицевой сторонѣ которыхъ мы видимъ его изображеніе, а на оборотной—пасущійся олень, передъ нимъ звѣзда и полумѣсяцъ. На двухъ изъ нихъ, хранящихся въ Императорскомъ эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ, изображены херсонесскія монограммы [illegible] и годъ Δ Κ Σ (т. е. 72 до Р. Х.), а на другой—Ε Κ Σ годъ (71 до Р. Х.). Эти тетрадрахмы относятся къ 224 и 225 гг. босф. эры, т. е. къ тому времени, когда онъ былъ, de facto, владѣтелемъ Херсонеса [1]).

Что же касается Махара, то мы нигдѣ изъ исторіи не видимъ, чтобы онъ игралъ важную роль относительно Херсонеса. Мы знаемъ только, что онъ былъ назначенъ намѣстникомъ своего отца, и именно только въ Босфорскомъ царствѣ, къ которому Херсонесъ никогда не былъ причисленъ и съ которымъ не имѣлъ ничего общаго. Въ Херсонесъ же онъ прибылъ тогда, когда старался избѣгнуть

[1]) См. Изслѣд. объ истор. и древн. г. Херсонеса-Таврич., бар. Кене, стр. 146 и 147.

мести своего отца за свою гнусную измѣну и, по всему вѣроятію, оставался тамъ не особенно долго, окончивъ здѣсь, какъ извѣстно, жизнь свою самоубійствомъ и не ознаменовавъ себя въ этомъ городѣ какими нибудь особенными дѣяніями, чтобы обезсмертить себя въ его исторіи.

Напротивъ того, полководецъ Діофантъ, хотя въ исторіи и не названный намѣстникомъ Миѳрадата, занималъ въ дѣйствительности эту должность, ибо имя его часто встрѣчается, какъ великаго дѣятеля для пользы этого города. Такъ напримѣръ, исключительно ему обязана была Херсонесская республика своимъ спасеніемъ отъ варваровъ, ибо онъ, предводительствуя лично понтійскою арміею, разбилъ и окончательно разсѣялъ ихъ многочисленныя скопища, послѣ чего дѣятельно и неусыпно сталъ заниматься благоустройствомъ и благосостояніемъ огражденной имъ области. Прежде всего, подъ его непосредственнымъ вліяніемъ и распоряженіемъ, устроена была знаменитая стѣна, о которой мы уже упоминали, для обезпеченія отъ могущихъ въ будущемъ быть набѣговъ варваровъ, а также для безопасной разработки соли изъ бывшаго близъ Херсонеса соленаго озера. Благодаря ему, жители города, забывъ постоянный страхъ свой отъ частаго вторженія варваровъ, наконецъ могли мирно заняться винодѣліемъ и земледѣліемъ, и, какъ видно, это спокойствіе продолжалось долго — во все время пребыванія тамъ понтійскихъ войскъ. Весьма вѣроятно, что кроткія мѣры относительно взноса умѣренной ежегодной подати, назначенной Миѳрадатомъ съ Херсонеса, были приняты царемъ по совѣту Діофанта, какъ равно и оставленіе прежняго порядка его самоуправленія. Нѣтъ сомнѣнія, что все, что относилось къ пользѣ и благу города, было близко ему. Жаль, что не сказано нигдѣ, сколько времени Діофантъ оставался въ Херсонесѣ. Но судя по тому, что,

какъ извѣстно, понтійское владычество продолжалось полвѣка, и что потомъ въ исторіи войнъ Миѳрадата не упоминается его имя, — нужно полагать, что онъ находился все время въ Херсонесѣ и не участвовалъ въ нихъ.

Въ нынѣшнемъ 1879 году въ развалинахъ Херсонеса найденъ большой мраморный обломокъ съ пространною греческою надписью, гдѣ упоминается имя Діофанта. Несмотря на наше желаніе снять снимокъ съ этой надписи, намъ это, къ сожалѣнію, по краткости пребыванія нашего въ Севастополѣ, не удалось. Нужно надѣяться, что этотъ драгоцѣнный памятникъ будетъ вскорѣ изданъ и что онъ прольетъ новый свѣтъ и дополнитъ еще нѣкоторыми подробностями тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о пребываніи этого знаменитаго намѣстника-полководца, которому такъ много былъ обязанъ древній Херсонесъ.

Описавъ, по имѣвшимся у насъ подъ рукою свѣдѣніямъ, дѣятельность трехъ упомянутыхъ только исторіею лицъ древняго греческаго періода Херсонеса, намъ остается теперь высказать наше мнѣніе или, скорѣе, предположеніе: которому изъ нихъ можно съ большею вѣроятностію приписать изображеніе, помѣщенное на оборотной сторонѣ нашего драгоцѣннаго медаліона. Задача эта, въ виду всѣхъ вышеизложенныхъ фактовъ, представляется теперь не особенно трудною.

Такъ напримѣръ, искомое изображеніе нашего нумизматическаго памятника не можетъ быть отнесено къ изображенію лица Миѳрадата, такъ какъ, по оставшимся монетамъ этого царя съ его изображеніемъ, оно безспорно не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ нимъ. Кромѣ того, Миѳрадатъ, какъ верховный повелитель Херсонеса, чеканилъ тамъ свою монету, какъ извѣстно, по образцу, прежде имъ принятому для всѣхъ своихъ владѣній, съ присоединеніемъ

только херсонесской монограммы ΗΡ, что доказывается многими оставшимися его тетрадрахмами.

Это изображеніе не можетъ быть отнесено также Махару, какъ лицу исчезнувшему для Херсонеса безслѣдно. Въ самомъ дѣлѣ, скорѣе можно было бы предположить нахожденіе его монетъ въ Босфорскомъ царствѣ, гдѣ онъ прожилъ 14 лѣтъ намѣстникомъ своего отца; однако и тамъ нигдѣ не находились ни монеты его, ни другіе памятники, на которыхъ онъ упоминался бы. Въ Херсонесѣ же, тѣмъ болѣе, онъ не имѣлъ никакого значенія, ибо былъ въ немъ въ качествѣ измѣнника своего отца, въ родѣ бѣглеца, проходимца, и притомъ вѣроятно недолгое время. Ему, тогда преслѣдуемому своимъ отцемъ, некогда было и думать о чеканкѣ монетъ, ибо единственною его тогда заботою было самосохраненіе и спасеніе своей жизни, которую пожертвовалъ онъ только тогда, когда не видѣлъ другого исхода. Вотъ почему можно навѣрно сказать, что не только онъ, но даже сами херсонесцы, помимо его, не могли выбить въ честь его какую бы то ни было монету, ибо Махаръ не могъ привлечь ихъ уваженіе къ себѣ никакими своими дѣяніями.

Напротивъ того, мы съ большею увѣренностью можемъ предположить, что интересующее насъ на медаліонѣ изображеніе есть именно лицо Діофанта, которому, какъ мы видѣли, такъ много былъ обязанъ Херсонесъ не только огражденіемъ своимъ отъ постоянно тревожившихъ его варваровъ и долгимъ миромъ, пользуясь которымъ херсонесцы могли опять обратиться къ своимъ постояннымъ занятіямъ, но и попеченіемъ о благоустройствѣ города и области его, а также и тѣмъ обстоятельствомъ, что покоритель ихъ, могущественный царь Миѳрадатъ, благодаря, по всѣмъ вѣроятіямъ, совѣтамъ Діофанта, поступалъ съ покоренными кротко и милостиво. Вотъ почему можно смѣло

предположить, что херсонесцы, желая выразить Діофанту, этому знаменитому полководцу и полезному общественному дѣятелю, свою благодарность, выбили въ честь его медаль, на лицевой сторонѣ которой изобразили небесную свою главную покровительницу — Артемиду, возлѣ которой помѣщена монограмма города, а на оборотной сторонѣ—лицо своего земного покровителя, которому они столь многимъ были обязаны во всѣхъ отношеніяхъ въ трудную для нихъ эпоху.

Что же касается двухъ буквъ, единственно оставшихся цѣлыми изъ имѣвшейся вправо отъ головы Артемиды надписи, — изъ которыхъ, повторяемъ, одна (А) едва замѣтна, тогда какъ другая (Ω) осталась видимою весьма отчетливо,—то нужно думать, что эта надпись означала или имя протевона, управлявшаго тогда городомъ подъ главнымъ наблюденіемъ Діофанта, или же, можетъ быть, выражала надпись какого нибудь обѣта, даннаго городомъ или самимъ Діофантомъ Артемидѣ, какъ верховной и небесной покровительницѣ города. Но вѣроятнѣе первое предположеніе, т. е. что надпись выражала имя протевона,—что подтверждаютъ вполнѣ доселѣ сохранившіяся имена протевоновъ на находимыхъ до сего дня херсонесскихъ монетахъ.

Возвращаясь къ лицу Діофанта, изображенному на нашемъ медаліонѣ, нельзя не обратить вниманія на совершенно правильное его очертаніе. Это лицо вполнѣ греческаго типа и притомъ типа воина—спокойное и мужественное. Всматриваясь въ него, нельзя не замѣтить, что художникъ, изображая его, видимо старался не упустить ни одной въ немъ черты, дабы сдѣлать его во всемъ похожимъ на живой оригиналъ, съ котораго, очевидно, на этомъ кускѣ бронзы сдѣланъ превосходный портретъ. Работа его такъ хороша, что

онъ скорѣе похожъ на камею, чѣмъ на вычеканенную на металлѣ фигуру.

Если нѣкоторые изъ гг. нумизматовъ не согласны съ приведенными выше предположеніями и будутъ утверждать, что это лицо не Діофанта, а лицо Зевса, то для этого имъ придется привести вѣсскія доказательства, что въ древнемъ періодѣ Херсонеса, которому безспорно принадлежитъ медаліонъ нашъ, существовалъ культъ этому божеству; но до сихъ поръ это не доказано, и развѣ что либо въ этомъ отношеніи будетъ открыто современемъ, при дальнѣйшихъ раскопкахъ развалинъ Херсонеса. Нынѣ же, за отсутствіемъ такихъ доказательствъ, мы остаемся въ непоколебимомъ убѣжденіи, согласно изложенному мнѣнію такого авторитета, какъ баронъ Кене, именно: что культъ Зевса проникъ въ Херсонесъ только во второмъ періодѣ его существованія, т. е. въ романо-босфорскомъ періодѣ, во время котораго главнымъ образомъ римляне тамъ его распространили. Даже скажемъ болѣе: скорѣе можно усумниться въ точномъ опредѣленіи монетъ 2-го періода, на которыхъ будто бы изображена голова Зевса, а не другого лица, хотя бы напримѣръ Діофанта,—чѣмъ допустить, что на медалѣ или монетѣ перваго періода могло быть изображеніе Зевса, которому въ тѣ времена въ городѣ дорическаго происхожденія, какъ Херсонесъ, культа и быть не могло. Предположеніе же барона Кене, что на монетахъ второго періода чеканилось лицо Зевса, могло быть имъ сдѣлано въ то время, когда у него не было еще подъ рукой того нумизматическаго памятника, который мы нынѣ имѣемъ. Предположеніе наше, что именно и на монетахъ 2-го періода, вмѣсто Зевса, изображенъ Діофантъ, можетъ быть объяснено, во 1) тѣмъ, что оно весьма схоже съ описаннымъ нынѣ лицомъ и, во 2) нѣтъ причинъ не предполагать, что

во второмъ періодѣ потомки тѣхъ самыхъ херсонесцевъ, которыхъ предки были столь облагодѣтельствованы Діофантомъ, въ воспоминаніе его заслугъ, слышанныхъ ими отъ отцовъ и матерей, могли также пожелать воспроизвести вновь черты этого великаго человѣка на своихъ монетахъ, какъ бы въ примѣръ своимъ новымъ завоевателямъ—римлянамъ, дабы начальники этого народа и съ своей стороны старались заслужить отъ Херсонеса такую же благодарность, какъ заслужилъ ее во время оное Діофантъ. Разумѣется, предположеніе это, весьма смѣлое, приведено здѣсь только для того, чтобы еще болѣе опровергнуть могущее быть мнѣніе, что описанная нами голова—не Діофанта, а Зевса, съ которымъ, опять повторяемъ, нѣтъ никакого сходства. Скорѣе еще можно допустить, стараясь опровергнуть мнѣніе наше объ изображеніи Діофанта, что оно не его, а другого какого нибудь знаменитаго мужа, оказавшаго городу большія услуги. Съ этимъ мнѣніемъ можно было бы согласиться, если бы могли быть представлены доказательства, или по крайней мѣрѣ вѣрныя предположенія. Но такъ какъ ихъ пока нѣтъ, равно нѣтъ и другихъ свѣдѣній объ исторіи Херсонеса за этотъ періодъ (всѣ имѣющіяся свѣдѣнія мы со всею возможною полностію старались привести здѣсь), то, впредь до появленія этихъ новыхъ доказательствъ и предположеній, мы остаемся при нашемъ мнѣніи о всѣхъ высказанныхъ предположеніяхъ объ описанномъ нынѣ замѣчательномъ и рѣдкомъ археологическо-нумизматическомъ памятникѣ древняго Херсонеса-Таврическаго, который можно назвать первымъ и единственнымъ найденнымъ доселѣ бронзовымъ медаліономъ древняго Херсонеса, ибо до сихъ поръ извѣстны только двѣ серебряныя дидрахмы, названныя также медаліонами, о которыхъ мы упомянули выше. Образецъ же такого большого размѣра

бронзовыхъ херсонесскихъ монетъ, какъ нынѣ нами описанный медаліонъ, встрѣчается, повторяемъ, въ херсонесской нумизматикѣ еще впервые.

Итакъ, на основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ доказательствъ и предположеній, настоящее описаніе этого замѣчательнаго медаліона будетъ слѣдующее:

Лиц. Голова Артемиды съ волосами, собранными на темени узломъ, и обращенная вправо. На шеѣ ея видима верхняя часть хитона; позади ея лукъ и колчанъ, за которыми монограмма ΩΡ. Впереди ея лица видимы только двѣ буквы Α, Ω, оставшіяся цѣлыми изъ бывшей, истертой временемъ, надписи, означавшей имя протевона.

Обор. Голова Діофанта съ лавровымъ вѣнкомъ, обращенная вправо, съ бородою. Вокругъ ея, на краю монеты, нѣсколько точекъ, составлявшихъ прежде на цѣлой монетѣ кругъ. — Металлъ Æ. Величина монеты, по Mionnet, 8. Вѣсъ монеты — 19 граммовъ и 17 сантиграммовъ.

Г. Ялта.
21 октября 1879 года.

III

Описаніе 17 неизвѣстныхъ доселѣ древнихъ херсонесскихъ монетъ греческаго и римско-босфорскаго періодовъ.

Всѣ вообще монеты греческаго и римско-босфорскаго періодовъ древняго Херсонеса, равно какъ и нѣкоторыя византійскаго періода этого же города, можно всегда причислить къ самымъ замѣчательнымъ памятникамъ нумизматики, ибо онѣ весьма рѣдки. Монеты же доселѣ неизвѣстныя и нигдѣ неописанныя и могущія дополнить тѣ, къ сожалѣнію, скудныя извѣстія, которыя мы до сего имѣемъ объ этомъ славномъ и могущественномъ въ древности городѣ, можно всегда отнести къ самымъ драгоцѣннѣйшимъ памятникамъ далекаго прошлаго. Къ числу такихъ памятниковъ мы можемъ причислить *семнадцать* неизвѣстныхъ доселѣ монетъ Херсонеса, изъ которыхъ пятнадцать принадлежатъ къ греческому періоду жизни этого города, а двѣ—къ періоду романо-босфорскому. Нѣкоторыя изъ этихъ монетъ, какъ равно и двѣ прежде нами описанныя, мы пріобрѣли въ Севастополѣ въ минувшемъ сентябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго 1879 года. Онѣ всѣ бронзовыя и куплены у

одного изъ жителей Севастополя, который нашелъ ихъ на берегу моря, близъ самыхъ развалинъ древняго Херсонеса. Другія же, также бронзовыя, куплены въ Симферополѣ, и найдены были близъ Евпаторіи, въ пескѣ, возлѣ моря.

Хотя нѣкоторыя изъ этихъ монетъ и не вполнѣ хорошо сохранились, такъ что на иныхъ, напримѣръ, остались только слѣды надписей, а на другихъ и самыя изображенія отчасти изгладились,—но, тѣмъ не менѣе, на каждой остались безспорные слѣды принадлежности Херсонесу, выражающіеся или именемъ города—ΧΕΡ, или его монограммою, или, наконецъ, типомъ изображеній. Вотъ почему,—имѣя въ виду, что нынѣ пріобрѣтенныя монеты, вѣрность въ принадлежности которыхъ къ Херсонесу не подлежитъ сомнѣнію, и что онѣ еще и до сего времени неизвѣстны,—мы считаемъ своимъ долгомъ описать ихъ вкратцѣ, начиная съ тѣхъ, которыя принадлежатъ къ болѣе отдаленному періоду, т. е. къ греческому.

А. *Лиц.* Изображаетъ Quadrigae (колесница, запряженная четырьмя конями), обращенную въ правую сторону. Возница кажется одѣтъ въ хитонъ и держитъ въ правой рукѣ бичъ, а въ лѣвой вожжи.

Обор. Стоящій вправо олень, на лѣвой сторонѣ котораго замѣтны слѣды какихъ-то буквъ, совершенно почти стертыхъ, такъ что нѣтъ никакой возможности разобрать ихъ. На правой же его сторонѣ, въ обрѣзѣ, ясно видимы буквы Χ Ε Ρ. — Вѣсъ этой монеты 2 грамма и 88 сантиграммовъ. Металлъ Æ. Величина ея 3, по Mionnet (см. табл. № 3-й).

До сего времени хотя эти оба типа и встрѣчались на монетахъ Херсонеса, но не совмѣстно на одной и той же монетѣ, какъ мы это теперь видимъ на нынѣ описанной. Такъ напримѣръ, эта же самая Quadrigae находится на

оборотной сторонѣ одной монеты, на лицевой сторонѣ которой изображенъ воинъ, преклонившій свое колѣно. Такое же изображеніе видно и на другой монетѣ, на одной сторонѣ которой представленъ стоящій олень, а на противуположной сторонѣ этой монеты находится совсѣмъ различное отъ нашей монеты изображеніе, а именно: на лицевой ея сторонѣ мы видимъ голову Артемиды[1]).

Изъ этого явствуетъ, что нынѣ описываемая монета заслуживаетъ особеннаго вниманія. Говоря о принадлежности ея къ древнему греческому періоду, мы основывались, во 1-хъ) на томъ, что въ этомъ только, исключительно, періодѣ помѣщались на монетахъ изображенія Quadrigae и Bigae, которыхъ отнюдь не видно на монетахъ второго періода, а во 2-хъ) что чеканка доказываетъ принадлежность ея къ лучшей эпохѣ этого искусства, т. е. къ древнему греческому періоду.

B. *Лиц.* Голова Артемиды, обращенная вправо, изображеніе которой впрочемъ видимо весьма неясно.

Обор. Стоящій вправо олень, близъ дерева, которое также мало видимо. Направо отъ оленя—монограмма ΔΡ, а сверху его—слѣды надписи, изъ которой можно разобрать только отчетливо одну букву V.—Металлъ Æ. Вѣсъ ея 3 грамма и 68 сантиграммовъ. Величина ея 4, по Mionnet (см. табл. № 4).

Хотя почти такая же монета уже описана барономъ Кене въ его «Изслѣдованіи объ исторіи и древностяхъ г. Херсонеса-Таврическаго» и «Description du musée du pr. B. Kotchoubey»[2]), но мы помѣстили здѣсь ее вновь на томъ

---

[1]) См. Изслѣдов. объ исторіи и древн. г. Херсонеса, бар. Кене, стр. 43, 45, съ № 67 по 79, и его же Description du musée du pr. B. Kotchoubey, T. I, стр. 165 и 166, и тамъ же, стр. 134 и 135.

[2]) См. Изслѣд. объ исторіи и древн. г. Херсонеса-Таврич., стр. 27, № 12 и 13, и Descript. du musée du pr. B. Kotchoubey, v. I, p. 135, № 11 и 12.

основаніи, что на нашей есть особенность, отличающая ее отъ имъ описанной. Такъ напримѣръ, на нашей мы видимъ монограмму, которой на описанныхъ барономъ Кене вовсе не существуетъ, какъ равно и оставшуюся ясно видимою букву **V**, которая доказываетъ, что надпись ея вѣроятно составляла имя совершенно другого городского начальника, чѣмъ имена тѣхъ, которые обозначены на двухъ описанныхъ барономъ Кене монетахъ.

Весьма замѣчательна также одна небольшая монета по новизнѣ своего типа, до сего времени невиданнаго ни на одной изъ монетъ города Херсонеса. Монета эта принадлежитъ также къ древнему періоду и, судя по ея чеканкѣ, къ концу этого періода.

С. *Лиц.* Голова Артемиды, обращенная вправо. На головѣ ея, сверхъ волосъ, на темени, замѣтны три черточки, вертикально стоящія, на подобіе длинныхъ зубцовъ отъ короны, а волосы ея оканчиваются косою, связанною на затылкѣ. Позади ея — лукъ и колчанъ.

Обор. Фигура Викторіи въ подпоясанномъ длинномъ хитонѣ, голова которой не помѣщена на монетѣ, такъ какъ съ самаго обрѣза видно только начало ея бюста. Правая ея рука приподнята, и замѣтно, что она держитъ какой-то предметъ, но какой — невозможно различить. Лѣвой же руки ея вовсе не видно, но за то весьма ясно видно большое крыло, начинающееся отъ плеча и опущенное внизъ. Съ лѣвой стороны фигуры богини, у колѣнъ — **ХЕ**, а позади — **Р**. — Металлъ **Æ**. Вѣсъ ея 1 граммъ и 80 сантиграммовъ. Величина 2, по Mionnet (см. табл. № 5).

До сего времени извѣстенъ только единственный экземпляръ монеты древняго періода съ изображеніемъ Викторіи, а именно монеты, на оборотной сторонѣ которой изо-

бражена Викторія, а на лицевой—Геркулесъ. Другихъ же экземпляровъ съ Викторіею на монетахъ древняго періода до сего времени не было извѣстно, кромѣ, разумѣется, нѣсколькихъ монетъ римско-босфорскаго періода, гдѣ съ изображеніями па лицевой сторонѣ римскихъ императоровъ помѣщено на оборотѣ изображеніе Викторіи [1]).

Равнымъ образомъ, на лицевой сторонѣ нашей монеты весьма интересенъ головной уборъ Артемиды, а именно: три черточки, находящіяся на ея темени, которыя, по всему вѣроятію, должны изображать зубцы короны, весьма оригинальной по особой возвышенной ея формѣ, также нигдѣ еще на херсонесскихъ монетахъ не встрѣчавшейся, но весьма похожей на такъ называемую корону *Stephané.*

Нынѣ описанную монету можно назвать діоболомъ, что доказывается ея вѣсомъ и величиною.

D. *Лиц.* Голова Геркулеса въ львиной шкурѣ, обращенная вправо. — *Обор.* Бодающійся волъ, обращенный влѣво. Надъ нимъ—ΧΕΡ, подъ нимъ, на обрѣзѣ, надпись, изъ которой ясно можно читать буквы ΜΙΩΝ. — Металлъ Æ. Вѣсъ ея 2 грамма и 28 сантиграммовъ. Величина ея 3, по Mionnet (см. табл. № 6).

Эта замѣчательная монета, какъ по художественному стилю работы, такъ и по своей сохранности, принадлежитъ къ числу самыхъ рѣдкихъ херсонесскихъ монетъ древняго его періода. Вообще, сравнительно съ прочими типами нумизматическихъ памятниковъ этого города, монеты съ изображеніемъ Геркулеса довольно рѣдки. Въ особенности рѣдки тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ на оборотной сторонѣ своей вола. Намъ извѣстны съ этимъ типомъ только нѣ-

[1]) См. Descript. du musée du pr. B. Kotchoubey, par le bar. de Koehne, v. I, № 69 перв. пер., и № 2—6 втор. періода.

сколько серебряныхъ экземпляровъ. Бронзовыхъ же монетъ съ этимъ типомъ, кромѣ описанной барономъ Кене въ его «Descript. du musée du pr. B. Kotchoubey» [1]) и принадлежавшей графу Перовскому, до сего времени не было найдено. Вотъ почему нынѣ нами описанный экземпляръ заслуживаетъ особеннаго вниманія, тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ еще и то преимущество предъ первымъ, что на немъ видно другое имя начальника или протевона города, еще доселѣ не встрѣчавшееся и, слѣдовательно, нигдѣ не описанное.

E. *Лиц.* Голова Геркулеса, обращенная вправо, съ львиною шкурою. — *Обор.* Лавровый вѣнокъ, въ срединѣ котораго буквы ΧΕΡ. — Металлъ Æ. Вѣсъ этой монеты 3 грамма и 61 сантиграммовъ. Величина ея 4, по Mionnet (см. табл. № 7).

Хотя изображенная на лицевой сторонѣ монеты голова и не особенно хорошо сохранилась, но во всякомъ случаѣ ее можно узнать по сходству съ головою Геркулеса, равно и по львиной шкурѣ ее покрывающей; а потому ее ни въ какомъ случаѣ нельзя отнести къ изображенію какого нибудь римскаго императора, подобно той, которая описана барономъ Кене въ его «Изслѣдованіи объ исторіи и древностяхъ г. Херсонеса-Таврическаго» [1]); а напротивъ, повторяемъ, на ней должна быть изображена именно голова вышеозначеннаго божества. Баронъ Кене приписалъ ее къ римско-босфорскому періоду на томъ основаніи, что изображенная на лицевой сторонѣ монеты голова въ дѣйствительности скорѣе похожа на голову Августа, чѣмъ на изображеніе какого нибудь миѳологическаго божества. Наша

---

[1]) См. Descript. du musée du pr. B. Kotchoubey. T. 1, p. 156, № 64.
[2]) См. Изслѣд. объ исторіи и древн. г. Херсонеса-Тавр., стр. 127, № 8.

же монета, какъ мы видѣли, напротивъ, имѣетъ всѣ данныя, чтобы быть отнесенной къ первому греческому періоду, какъ по типу лицевой ея стороны, такъ и въ художественномъ отношеніи. Впрочемъ, смотря на нее внимательно, уже можно замѣтить начало упадка монетнаго искусства, почему мы и предполагаемъ, что время ея чеканки относится къ концу перваго греческаго періода. Во всякомъ случаѣ монета эта принадлежитъ также къ числу самыхъ рѣдкихъ и есть пока единственный экземпляръ съ изображеніемъ Геркулеса на лицевой сторонѣ и съ лавровымъ вѣнкомъ на оборотной.

Къ этому же самому времени, т. е. къ концу перваго греческаго періода, слѣдуетъ отнести и двѣ слѣдующія за симъ монеты, которыхъ чеканка доказываетъ намъ также, что онѣ были выбиты, если можно такъ выразиться, въ переходномъ періодѣ, т. е. въ концѣ перваго или въ самомъ началѣ романо-босфорскаго періода.

F. На первой изъ нихъ, на лицевой сторонѣ, изображена Артемида, опирающаяся правымъ колѣномъ на поверженнаго оленя и обращенная влѣво. Къ сожалѣнію, сторона эта весьма плохо сохранилась и изображеніе богини и оленя едва видны.

На оборотной сторонѣ изображенъ лежащій влѣво левъ съ загнутымъ и приподнятымъ вверхъ хвостомъ. Надъ львомъ буквы Χ Ε Ρ. Какъ эти буквы, такъ и левъ изображены весьма отчетливо и ясно.—Металлъ ея Æ. Величина 3, по Mionnet. Вѣсъ 2 грамма и 85 сантиграммовъ (см. табл. № 8).

Другая монета подобна только-что описанной въ художественномъ отношеніи, а равно и по эпохѣ ея чеканки.

G. *Лиц*. То же самое изображеніе Артемиды съ оленемъ, также обращенное влѣво, съ тою только разницею,

что какъ сама богиня, такъ и поверженный олень лучше сохранились и видимы весьма отчетливо и ясно.

Обор. Идущій влѣво четвероногій звѣрь (дикій вепрь ?), внизу котораго, выше обрѣза монеты, едва замѣтна одна буква **X**. — Металлъ **Æ**. Величина ея $4^1/_4$, по Mionnet. Вѣсъ ея 2 грамма и 60 сантиграммовъ (см. табл. № 9).

Къ сожалѣнію, изображеніе звѣря весьма плохо сохранилось, но нужно думать, что это долженъ быть звѣрь въ родѣ дикаго вепря, судя по ушамъ, замѣтнымъ на его головѣ, и той особенности, что кромѣ ушей замѣтны поверхъ шеи еще двѣ черточки, которыя, вѣроятно, должны были изображать поднявшуюся щетину, какъ это бываетъ на такихъ звѣряхъ, или же крылья, въ родѣ тѣхъ, которыя изображены на свиньѣ, находящейся на оборотной сторонѣ монеты, описанной барономъ Кене[1]). Но такъ какъ монета наша весьма плохой сохранности, то и весьма трудно опредѣлить съ точностію это изображеніе.

Во всякомъ случаѣ, обѣ только-что описанныя монеты можно также почесть за единственные извѣстные доселѣ экземпляры, ибо лежащій левъ въ цѣломъ его видѣ, видимый на оборотной сторонѣ первой изъ нихъ, встрѣчается на нумизматическихъ памятникахъ Херсонеса въ первый еще разъ; доселѣ мы находимъ на монетахъ изображеніе или только передней части льва, или одной его головы, или только его морды. Равнымъ образомъ и изображеніе цѣликомъ вепря, помѣщенное на прежде описанной монетѣ, мы встрѣчаемъ также впервые, такъ какъ на единственномъ до сего времени описанномъ барономъ Кене экземплярѣ животное это изображено съ крыльями не цѣлымъ, а только до половины своей.

---

[1]) См. Изслѣд. объ исторіи и древн. г. Херсонеса-Таврич., бар. Кене, стр. 43, № 68.

Кромѣ только-что описанныхъ монетъ древняго греческаго періода, мною пріобрѣтены еще, случайно, у одного собирателя древностей, въ Симферополѣ, семь весьма интересныхъ монетъ, изъ которыхъ въ особенности четыре необыкновенно замѣчательны и также принадлежатъ къ этой же самой эпохѣ древняго Херсонеса. Хотя — какъ заявилъ мнѣ упомянутый собиратель древностей, продавшій мнѣ монеты — 4 точно такія же монеты были имъ уже проданы одному извѣстному на югѣ Россіи любителю нумизматики, но такъ какъ до сихъ поръ я нигдѣ не встрѣчалъ описанія этихъ рѣдчайшихъ нумизматическихъ памятниковъ, то считаю своимъ долгомъ описать таковые наравнѣ съ прочими монетами.

Двѣ изъ нихъ тожественны между собою и по величинѣ, и по изображеніямъ своимъ какъ на лицевой сторонѣ, такъ и на оборотной. Равнымъ образомъ и остальныя двѣ тоже сходны между собою во всемъ; почему, въ виду этого сходства, мы намѣрены описывать собственно только двѣ изъ нихъ, которыя наилучше сохранились.

Н. На лицевой сторонѣ изображена ваза, стоящая на пьедесталѣ. Вверху она шире, чѣмъ внизу. По обѣимъ ея сторонамъ придѣланы двѣ ручки, въ видѣ колецъ, поднятыхъ вверхъ. На самой вазѣ, къ верхней ея оконечности, видны украшенія въ видѣ полосокъ, и вообще общій видъ ея весьма изященъ. Вся ваза находится въ вѣнкѣ, сдѣланномъ изъ маленькихъ точекъ, который впрочемъ видимъ только на правой сторонѣ монеты; съ лѣвой же стороны обрѣзъ монеты подходитъ почти къ самой вазѣ, почему и не видно слѣдовъ вѣнка.

На оборотной сторонѣ изображенъ лавровый вѣнокъ, въ срединѣ котораго надпись ΧΕΡ, подъ которой находится Геркулесова палица. — Металлъ этой монеты Æ.

Вѣсъ ея 1 граммъ и 20 сантиграммовъ. Величина — $1\frac{1}{2}$, по Mionnet (см. табл. № 10).

I. Второй экземпляръ этой монеты во всемъ подобенъ первому, съ тою только разницею, что оборотная сторона его, несмотря на то, что кусокъ ея отломанъ, лучше сохранилась, чѣмъ на первомъ,—почему рисунокъ ея также помѣщается на приложенной таблицѣ. — Металлъ ея Æ. Величина — $1\frac{1}{2}$, по Mionnet. Вѣсъ ея 85 сантиграммовъ (см. табл. № 11).

Если бы этотъ экземпляръ былъ цѣлъ, то величина и вѣсъ этой монеты были бы также совершенно тожествены съ первымъ экземпляромъ; но, по случаю отлома, онъ легче и не имѣетъ круглой формы. Обѣ эти монеты находятся въ прекрасной сохранности и покрыты черною патиною; онѣ найдены въ пескѣ, близъ Евпаторіи.

Такъ какъ изображеніе вазы встрѣчается впервые на монетахъ древняго Херсонеса, на которыхъ до сего чеканились или изображенія божествъ, или ихъ атрибуты, или, наконецъ, изображенія тѣхъ различныхъ предметовъ, торговлею или производствомъ которыхъ занимались древніе херсонесцы, то естественно рождается вопросъ: почему она изображена здѣсь и что она должна была выражать собою?

Судя по формѣ, ее можно отнести къ вазамъ, названнымъ древними римлянами и греками: *crater*, κρατήρ, и служившими обыкновенно для помѣщенія вина, смѣшаннаго съ водою. Во время пиршества эти вазы ставились обыкновенно на полъ, близъ стола, или же на особо для этого устроенныхъ подставкахъ въ столовой, и тогда виночерпій ложками черпалъ изъ нея и, вливая въ особые для сего сосуды (*pocula*), раздавалъ напитокъ присутствующимъ. Здѣсь нужно замѣтить, что въ древности рѣдко пили цѣльное вино, а по большей части всегда смѣшанное съ водою.

Ваза на описываемой монетѣ, по широкому своему отверстію, имѣетъ также сходство съ чашею, называемою *scyphus* (σκύφος), употреблявшеюся въ особенности на пиршествахъ, посвященныхъ Геркулесу; она была всегда малаго размѣра, тогда какъ первая была, напротивъ, всегда большая; это доказывается и тѣмъ, что ея не ставили на столъ, а по большей части на полъ, близъ стола, чтобы стоящему виночерпію удобнѣе было черпать изъ нея вино для раздачи присутствующимъ.

Эти большія вазы crater дѣлались изъ глины, изъ мрамора и изъ разныхъ металловъ, даже изъ самыхъ драгоцѣнныхъ, и дѣлались разнообразными формами, смотря по вкусу ваятеля, но непремѣнно съ широкимъ отверстіемъ вверху [1]), какъ это видно и на вазѣ, изображенной на нашей монетѣ.

Вазы crater употреблялись также въ храмахъ при жертвоприношеніяхъ, во время которыхъ изъ этихъ вазъ разливались и раздавались предстоящимъ напитки.

Кромѣ употребленія вазъ въ храмахъ во время богослуженія, онѣ жертвовались также въ видѣ обѣтовъ, въ честь богамъ, такъ что вазы эти встрѣчались въ разныхъ храмахъ въ огромномъ количествѣ. Напримѣръ, мы знаемъ изъ Цицерона, что царь Агамемнонъ, возвращаясь изъ Трои, привезъ съ собою 3000 кратеровъ [2]). Онѣ жертвовались богамъ по большей части наполненными, какъ это видно, напримѣръ, изъ Теокрита [3]). *Я пожертвую музамъ*

---

[1]) См. Diction. des antiquités romaines et grecques, par A. Rich, Paris, 1859, p. 104, 200 et 572.

[2]) См. Cicero ad. Fam., VII., I.

[3]) См. Theocr., V, 5, 3.; сравн. Виргил. Eclog., V, 67.

кратеръ, наполненный свѣжимъ молокомъ и сладкимъ оливковымъ масломъ [1]).

Изъ всего сказаннаго можно ясно убѣдиться, что изображенная на нашей монетѣ ваза есть именно *ваза кратеръ*, что доказываетъ намъ ея форма. Кромѣ того, такъ какъ мы видѣли, что она служила древнимъ не только въ домашнемъ ихъ быту, но и еще постоянно была въ употребленіи въ ихъ храмахъ, то мы и можемъ предположить, что изображенная на монетѣ этой ваза находилась именно въ одномъ изъ херсонесскихъ храмовъ и, быть можетъ, была пожертвована или отъ имени города, или же частнымъ лицомъ, архонтомъ или военачальникомъ, въ храмъ Геркулеса, въ память какой нибудь побѣды надъ врагами, или за заступничество этого бога и за огражденіе города отъ осаждавшихъ неоднократно Херсонесъ варваровъ. Мы упомянули здѣсь именно о храмѣ Геркулеса на тѣхъ основаніяхъ, что во 1-хъ, извѣстно, что это божество было въ большомъ почетѣ у херсонесцевъ, какъ потомковъ древнихъ ираклiотовъ, и во 2-хъ, что изображенную здѣсь вазу можно отнести скорѣе къ пожертвованіямъ въ честь Геркулеса, такъ какъ на оборотной сторонѣ монеты, въ лавровомъ вѣнкѣ изображена знаменитая его палица, главный атрибутъ этого бога; помѣщеніе этого атрибута и указываетъ, что и изображенная на лицевой сторонѣ монеты ваза должна тоже относиться къ тому же самому божеству. Весьма вѣроятно, что оригиналъ этой вазы былъ сдѣланъ изъ драгоцѣннаго металла и своимъ великолѣпіемъ заслужилъ всеобщее вниманіе, почему копія съ него и была вычеканена на монетахъ, на тотъ конецъ, чтобы посредствомъ ея, въ свою очередь, благодаря громаднымъ торго-

---

[1]) Diction. of greak and Roman Antiquities ed. bar W. Smith. London, 1873, p. 368.

вымъ сношеніямъ Херсонеса, разгласить въ отдаленныхъ странахъ о великомъ событіи, въ память котораго была сооружена означенная ваза.

Что же касается самой монеты, то нужно предполагать, что она принадлежала также къ числу прочихъ ходячихъ монетъ, какъ доказываютъ ея вѣсъ и величина, весьма схожія съ прочими монетами этого древняго города.

Не менѣе заслуживаютъ вниманія и остальныя двѣ монеты своими совершенно новыми изображеніями, также до сего времени не встрѣчавшимися на монетахъ этого города.

J. На *лиц. стор.* изображена стоящая и обращенная влѣво птица, вокругъ которой замѣтны съ лѣвой же стороны точки, долженствующія образовать вокругъ птицы, близъ самаго обрѣза монеты, вѣнокъ. Точки эти съ правой стороны совсѣмъ изгладились.

На *обор. стор.* изображенъ стоящій и обращенный влѣво рогатый козелъ. Надъ нимъ, сверху, буквы: ΧΕΡ. Металлъ этой монеты Æ. Вѣсъ ея 1 граммъ и 73 сантиграмма. Величина ея одной черточкою болѣе $1\frac{1}{2}$, по Mionnet (см. табл. № 12).

Чеканка этой монеты и ея сохранность превосходны во всѣхъ отношеніяхъ, и ее можно причислить по ея сохранности къ монетамъ *à fleur de coin*.

K. Описываемая монета, которая, къ сожалѣнію, дурно сохранилась, сходна съ предыдущею по своимъ изображеніямъ и отличается тѣмъ только, что она большаго объема, а именно—размѣръ ея, по Mionnet, 2.—Металлъ Æ. Вѣсъ же ея менѣе предыдущей, а именно она вѣситъ 1 граммъ и 42 сантиграмма. Затѣмъ, единственная между ними разница заключается въ томъ, что на нынѣ описываемой монетѣ замѣтны, по бокамъ птицы, будто слѣды какихъ-то буквъ, которыхъ впрочемъ нѣтъ возможности разобрать по

плохой сохранности монеты, тогда какъ на только-что описанной монетѣ никакихъ подобныхъ знаковъ нѣтъ. Для лучшаго сравненія упомянутыхъ двухъ монетъ, мы помѣстили рисунокъ и съ нынѣ описываемой монеты (см. табл. № 13).

Обѣ эти монеты были также найдены близъ Евпаторіи, въ пескѣ, и покрыты также черною патиною.

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ, къ атрибутамъ какихъ боговъ относятся изображенные на этихъ монетахъ козелъ и птица, или же, если ихъ нельзя причислить къ атрибутамъ, то какое они должны имѣть здѣсь значеніе. Равнымъ образомъ слѣдуетъ еще высказать наше мнѣніе о томъ, какая именно птица изображена на описываемыхъ монетахъ.

На оборотной сторонѣ мы ясно различаемъ изображеніе именно козла, что видно какъ по его длиннымъ рогамъ, такъ и по всей его фигурѣ. Въ древней греческой миѳологіи упоминается часто это животное, которое приносили въ жертву нѣкоторымъ божествамъ; такъ напримѣръ, извѣстно, что богинѣ Реѣ, или Цибелѣ, равно какъ Зевсу и Афродитѣ, между другими животными, приносили въ жертву козу; козловъ же закалывали только при жертвоприношеніяхъ Аресу (Марсу) и въ особенности въ честь Діониса (Вакха), которому непремѣнно всегда закалывали козла на томъ основаніи, что это животное, объѣдая молодыя виноградныя лозы и почки, отнимало надежду на хорошій сборъ винограда, главнымъ покровителемъ котораго считался Діонисъ [1]). Что козелъ былъ особенно посвященъ Діонису, видно еще изъ Овидія, въ его «Превращеніяхъ», именно въ 5-й его книгѣ, гдѣ говорится, что боги, преслѣдуемые во

---

[1]) См. Mythologie, par Deville et Leclere Jeune. Paris, 1868, p. 84.

время войны гигантовъ Тифеемъ, убѣжали въ Египетъ; но когда и тамъ этотъ страшный исполинъ настигъ ихъ, то они должны были скрыться отъ его ярости и превратились въ разныхъ животныхъ; такъ напримѣръ, Аполлонъ принялъ образъ ворона, Венера — рыбы, Діана превратилась въ кошку, Меркурій — въ ибиса, а *Вакхъ — въ козла*[1]).

Вышеприведенныя свѣдѣнія о значеніи козла въ греческой миѳологіи достаточно доказываютъ намъ, что животное это преимущественно передъ другими принадлежало къ культу Діониса, которому наравнѣ съ нимъ посвящалась также сорока, какъ эмблема того, что вино придаетъ людямъ желаніе болтать, подобно этой птицѣ[2]).

Однако, прежде чѣмъ выводить окончательное заключеніе о занимающемъ насъ нынѣ предметѣ, здѣсь слѣдуетъ еще упомянуть, что въ древности козелъ употреблялся также какъ одинъ изъ знаковъ Зодіака, а именно: онъ обозначалъ собою мѣсяцъ декабрь, т. е. тотъ именно мѣсяцъ, въ которомъ солнце начинало какъ бы опять подыматься[3]).

Что Зодіакъ былъ также извѣстенъ и древнимъ херсонесцамъ — не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ еще гораздо прежде основанія Херсонеса, въ глубокой древности, онъ былъ извѣстенъ халдеямъ, египтянамъ, индѣйцамъ и арабамъ и былъ изображенъ во многихъ храмахъ, а именно, между прочими — въ Дендера въ Египтѣ (Tentyra или Tentyris)[4]).

Изъ всего сказаннаго можно вывести два заключенія, или, лучше сказать, два предположенія о значеніи козла, изо-

---

[1]) См. Превращ. Овидіево, Т. II, книга V, стр. 32 и 33. Изданіе 1794 г., Москва.
[2]) См. Mythologie, par A. Deville et. J. Leclere Jeune, Paris, 1868, p. 84.
[3]) См. Mythologie, par A. Deville et J. Leclere Jeune, Paris, 1868, p. 59.
[4]) См. Bouillet. Diction. d'histoire et de geographie. Paris, 1860.

браженнаго на описываемой нынѣ монетѣ: Во-первыхъ, что козелъ помѣщенъ на ней какъ эмблема Діониса, которому, по всему вѣроятію, и древній Херсонесъ, подобно своимъ прибрежнымъ сосѣдямъ, воздавалъ божескія почести, что весьма правдоподобно въ виду того, что жители этого города также занимались и винодѣліемъ; слѣдовательно, если у нихъ существовалъ культъ этому богу, то на такомъ точно основаніи, какъ изображались другія божества или ихъ атрибуты на херсонесскихъ монетахъ, на описываемой нынѣ монетѣ, вмѣсто самаго бога Діониса, помѣщено изображеніе того животнаго, которое преимущественно предъ другими посвящалось при жертвоприношеніяхъ этому богу. Можно, напримѣръ, допустить, что послѣ скуднаго урожая винограда херсонесцы, чтобы умилостивить бога, принесли ему торжественно въ жертву козла, и что вслѣдъ за этимъ, на слѣдующій годъ урожай винограда былъ обильный, почему благодарные херсонесцы, въ память этой жертвы своей, которая умилостивила Діониса, пожелали отчеканить и эту свою жертву на монетахъ, для большаго распространенія извѣстія объ этомъ фактѣ. Второе предположеніе — что помѣщенный здѣсь козелъ есть не что иное, какъ одинъ изъ знаковъ Зодіака, а именно изображеніе мѣсяца декабря— также можетъ имѣть здѣсь мѣсто. Весьма возможно допустить, напримѣръ, что, въ память какого нибудь важнаго событія государственной жизни херсонесцевъ, они пожелали сдѣлать на своихъ монетахъ и самое изображеніе эмблемы того именно мѣсяца, когда случилось это событіе.

Намъ могутъ возразить, что высказанныя нами предположенія не могутъ быть доказаны. Мы соглашаемся съ этимъ, но вмѣстѣ съ симъ добавляемъ, что вообще, въ такой наукѣ, какова нумизматика, если бы при описаніи какихъ нибудь памятниковъ употреблялись однѣ только аксіомы, то мно-

гое осталось бы до сего времени необъясненнымъ и нераскрытымъ, тогда какъ высказываемыя гипотезы существенно помогаютъ здѣсь объяснить то, что кажется сначала необъясненнымъ. Вообще говоря, гопотезы хотя и не всегда раскрываютъ истину, тѣмъ не менѣе, впослѣдствіи какъ бы направляютъ и помогаютъ дальнѣйшимъ розыскамъ и изслѣдованіямъ. Такъ напримѣръ, очень можетъ быть, что со временемъ могутъ быть найдены еще какіе нибудь памятники, которые подтвердятъ или первое, или второе изъ только что высказанныхъ нами предположеній. Во всякомъ случаѣ гипотезы наши не могутъ повредить дѣлу, но, напротивъ, могутъ обратить вниманіе на то именно, что прежде могло ускользнуть даже отъ вниманія самаго глубокаго ученаго археолога и нумизмата.

Что касается птицы, изображенной на лицевой сторонѣ монеты, то во всякомъ случаѣ, по ея формѣ и въ особенности по ея клюву, совершенно прямому, ее нельзя назвать орломъ. По нашему мнѣнію, она скорѣе походитъ на морскую чайку, а еще болѣе на ворону. Если это морская чайка, то изображеніе ея на херсонесской монетѣ можетъ быть объяснено подражаніемъ типамъ другихъ колоніальныхъ греческихъ городовъ, находившихся одновременно съ Херсонесомъ на берегахъ Чернаго моря, какъ напримѣръ: Ольвіи, Истра и Синопа. Морская чайка (Larus), какъ извѣстно, находится постоянно у береговъ моря и принадлежитъ также къ хищнымъ птицамъ; ее называютъ также морскимъ коршуномъ. Слѣдовательно изображеніе ея на монетахъ служило какъ бы эмблемою, что городъ, которому принадлежали монеты, былъ городомъ приморскимъ. Правда, что до сего времени она исключительно изображалась на монетахъ Ольвіи, Истра и Синопа и никогда не замѣчена была на монетахъ Херсонеса. Но

изъ этого не слѣдуетъ заключать, что если ея прежде не встрѣчали на монетахъ этого города, то поэтому и здѣсь изображена не чайка, а другая какая нибудь птица. Чтобы опровергнуть неправильный взглядъ этотъ, стоитъ только обратить вниманіе на только-что описанныя нами монеты съ изображеніями вазы и козла, которыя также никогда прежде не встрѣчались, а между тѣмъ эти монеты, несомнѣнно, принадлежатъ Херсонесу, что доказываютъ намъ надписи на каждой изъ нихъ.

Вотъ почему, говоримъ мы, если эта птица—чайка, то это весьма знаменательно въ томъ отношеніи, что она вычеканена здѣсь, вѣроятно, изъ подражанія монетамъ другихъ сосѣднихъ приморскихъ городовъ.

Внимательно же всматриваясь въ изображеніе этой птицы, мы находимъ въ ней гораздо болѣе сходства съ обыкновеннымъ ворономъ, чѣмъ съ морскою чайкою. Дѣйствительно форма ея клюва, шеи, крыльевъ и ногъ вполнѣ походятъ на ворона, почему мы кажется безошибочно можемъ признать въ изображеніи этой птицы — именно ворона.

Наше опредѣленіе имѣетъ тѣмъ болѣе вѣроятія, что, какъ извѣстно, воронъ игралъ въ древней миѳологіи не маловажную роль. Онъ считался въ родѣ священной птицы, ему приписывали даръ предсказывать будущее и онъ былъ однимъ изъ атрибутовъ Аполлона, которому и былъ посвященъ вмѣстѣ съ другими звѣрями[1]).

Посему не удивительно, что въ такомъ городѣ, въ которомъ, послѣ Артемиды и Геркулеса, главнымъ божествомъ считался Аполлонъ, изображенія котораго часто встрѣчались на монетахъ, — не удивительно, говоримъ мы,

---

1) См. Mythologie, par A. Deville et J. Leclere Jeune, Paris, 1868, p. 54.

видѣть одинъ изъ атрибутовъ этого бога отчеканеннымъ на монетѣ. Такъ точно, какъ помѣщеніе козла на монетѣ было, вѣроятно, сдѣлано въ память вмѣшательства Діониса въ какомъ нибудь событіи, такъ и изображеніе ворона, какъ атрибута Аполлона, могло имѣть мѣсто на этой же самой монетѣ, какъ знакъ благодарности города за заступничество его за городъ или же, можетъ быть, за какое нибудь сбывшееся предсказаніе въ пользу города Херсонеса.

Почему, напримѣръ, не допустить, что изображенія какъ на лицевой, такъ и оборотной сторонѣ монеты относились къ одному и тому же событію, а именно, какъ мы выше замѣтили, — къ умилостивленію Діониса объ урожаѣ винограда. Можно допустить, что по этому случаю херсонесцы принесли козла въ жертву Діонису по приказанію оракула, находившагося, можетъ быть, въ мѣстномъ храмѣ Аполлона, и что вмѣстѣ съ симъ, въ благодарность за участіе Аполлона къ этой ихъ нуждѣ, вслѣдъ за атрибутомъ Діониса—козломъ, отчеканили на одной и той же монетѣ и атрибутъ того бога, котораго предсказанія сбылись, т. е. ворона, служащаго атрибутомъ Аполлону.

Изображеніе ворона на описанной монетѣ также точно можно допустить и въ томъ случаѣ, если мы примемъ второе предположеніе наше, т. е. что козелъ изображалъ собою эмблему того времени, въ которомъ совершилось извѣстное событіе, а воронъ въ этомъ случаѣ могъ выражать собою, что извѣстное событіе случилось благодаря волѣ и предсказанію Аполлона, въ знакъ благодарности которому за извѣстное предсказаніе херсонесцы и помѣстили эмблему его оракульскаго дара.

Разумѣется, повторяемъ, что здѣсь невозможно рѣшить, какое изъ вышеупомянутыхъ предположеній болѣе правильно. Оба они весьма вѣроятны, и мы привели ихъ здѣсь

на основанiи свѣдѣнiй, почерпнутыхъ изъ древней греческой миѳологiи.

Остальныя четыре монеты прiобрѣтены мною также въ Симферополѣ и также, какъ и первыя четыре, найдены близъ Евпаторiи. Хотя типы ихъ уже отчасти извѣстны, но въ виду имѣющейся на каждой изъ нихъ особенности, нигдѣ прежде не встрѣчавшейся на монетахъ съ подобными типами, мы считаемъ долгомъ описать ихъ въ нѣсколькихъ словахъ.

I. *Лиц. стор.* Обнаженная Артемида, стоящая на правомъ колѣнѣ, поднимаетъ съ земли стрѣлу правой рукою и держитъ въ лѣвой рукѣ лукъ.

Обор. стор. — Грифъ, прыгающiй влѣво. Подъ нимъ, между ногъ, буквы **Χ Ε Ρ**. Сверху, въ обрѣзѣ, надпись — **ΙΣΤΙΟΙ↿**, т. е. вѣроятно — **ΙΣΤΙΩΙΡ.** Металлъ монеты **Æ**. Вѣсъ 6 граммовъ и 75 сантиграммовъ. Величина ея $4^{1}/_{2}$, по Mionnet (см. табл. № 14).

Изъ сдѣланнаго выше краткаго описанiя видно, что монета эта во всемъ почти схожа съ монетами, описанными барономъ Кене въ его «Изслѣдованiи объ исторiи и древностяхъ г. Херсонеса-Таврическаго», и его же «Описанiи музея князя В. Кочубея», съ тою только разницею, что Артемида изображена обнаженною, тогда какъ на описанныхъ бар. Кене монетахъ она одѣта въ короткiй хитонъ, украшена ожерельемъ и обута въ высокiя охотничьи сандалiи[1]), — чего на изображенiи нашей монеты не только не видно, но даже не замѣтно никакихъ слѣдовъ. Поэтому мы вполнѣ увѣрены, что она именно и была изображена обнаженною. Въ противномъ случаѣ, если допустить, что на

---

[1]) См. Изслѣдов. объ исторiи и древн. г. Херсонеса-Таврич., бар. Кене, стр. 31, 31 и 33, № 29 по 32, и его же Descript. du musée du pr. B. Kotchoubey, V. I, p. 142, 73, №№ 34—43.

ней была одежда, украшенія и сандаліи, которыя могли изгладиться отъ времени, то въ такомъ случаѣ отъ нихъ остались бы хотя нѣкоторые слѣды; между тѣмъ, благодаря хорошей сохранности фигуры Артемиды, мы ясно видимъ, что ихъ вовсе нѣтъ и не было.

Равнымъ образомъ и оборотная сторона монеты схожа во всемъ съ описанными бар. Кене монетами, за исключеніемъ надписи въ обрѣзѣ, сверху грифа, которую до сего мы еще нигдѣ не встрѣчали.

Вѣроятно, надпись эта обозначаетъ также имя того протевона или городского начальника, при которомъ была вычеканена эта монета, а именно, какъ выше сказано, какого то *Истіоіра* (Ι Σ Τ Ι Ο Ι Ρ). Въ надписи этой обращаетъ особенное вниманіе послѣдняя буква Ρ, изображенная на выворотъ а именно ꟼ. Впрочемъ такія извращенія буквъ встрѣчаются не рѣдко на нумизматическихъ памятникахъ древняго міра. Кромѣ этой буквы, видно еще, что и О изображено не совсѣмъ правильно; эта неправильность могла случиться отъ ошибокъ при чеканкѣ.

M. Весьма замѣчательна также слѣдующая маленькая монета, на лицевой сторонѣ которой изображены рыба и палица съ правой стороны.

На *обор. ст.* изображенъ воловій черепъ; спереди, подъ нимъ, внизу надпись ΧΕΡ. — Металлъ ея Æ. Вѣсъ 54 сантиграмма. Величина ея 1, по Mionnet (см. табл. № 15).

До сихъ поръ встрѣчались монеты съ этимъ типомъ, но только съ тою разницею, что имя города стояло подъ палицею, между тѣмъ какъ на нашей монетѣ мы видимъ, что имя города помѣщено подъ черепомъ. Равнымъ образомъ и лицевая сторона нашей монеты представляетъ то отличіе отъ монетъ этого типа, что рыба и палица помѣщены здѣсь

вправо, тогда какъ на извѣстныхъ доселѣ монетахъ этого типа онѣ были всегда обращены влѣво [1]).

Вообще, монеты эти съ воловьимъ черепомъ, съ рыбою и съ палицею считаются одними изъ самыхъ рѣдкихъ между херсонесскими монетами, а видоизмѣненіе этого типа является въ первый разъ въ нумизматикѣ Херсонеса.

N. Слѣдующая монета замѣчательна въ особенности своей лицевой стороною, а именно: особой короною, украшающей голову Артемиды и прежде также нигдѣ не встрѣчавшейся на монетахъ этого города.

Лиц. стор. изображаетъ голову Артемиды, обращенную вправо. Она украшена особаго рода короною, оканчивающейся сверху тремя зубцами (fleurons).

Обор. Рыба и палица, обращенныя вправо. Подъ ними надпись: ΧΕΡ. — Металлъ этой монеты Æ. Вѣсъ ея 80 сантиграммовъ. Величина 1, по Mionnet (см. табл. № 16).

Монета эта также принадлежитъ, по сохранности своей, къ тѣмъ изъ нихъ, которыя получили, по нумизматическому термину, названіе *à fleur de coin*. По чеканкѣ же ее также можно отнести, какъ и всѣ предыдущія, которыя были найдены близъ Евпаторіи, къ древнему греческому періоду Херсонеса.

Всѣ изображенія на ней, какъ мы сказали выше уже, встрѣчались и прежде на монетахъ, за исключеніемъ одной короны на головѣ богини, форму которой мы видимъ въ первый разъ, что и заставило насъ воспроизвести отпечатокъ этой монеты на приложенной при семъ таблицѣ. Можно думать, что корона на монетѣ этой изображала собою копію той короны, можетъ быть, сдѣланной изъ чистаго золота, которая украшала статую Артемиды въ храмѣ и ко-

[1]) См. Изслѣдов. объ исторіи и древн. г. Херсонеса-Таврич., бар. Кене, стр. 42, № 83.

торая, можетъ быть, также была пожертвована этой богинѣ или городомъ, или какимъ нибудь изъ его гражданъ, въ благодарность за ея заступничество за городъ или за его сохраненіе. Особенно замѣчательны по своей формѣ три верхнихъ зубца, или *fleurons* короны, имѣющіе форму нынѣшнихъ зубцовъ нашихъ дворянскихъ коронъ и представляющіе собою форму трилистника (trèfle).

O. Монета, о которой мы теперь будемъ говорить, принадлежитъ также къ лучшей эпохѣ монетнаго искусства города Херсонеса, а именно, къ древнему его греческому періоду. Почти такая же, т. е. съ такими же изображеніями на ней, была описана барономъ Кене въ его «Изслѣдованіи объ исторіи и древностяхъ города Херсонеса-Таврическаго» [1]) и отнесена имъ къ числу рѣдчайшихъ памятниковъ нумизматики этого города и даже признана единственнымъ экземпляромъ. Она принадлежитъ графу А. С. Уварову.

Наша монета, хотя сходна съ описанною бар. Кене, имѣетъ однако ту разницу, что изображеніе, видимое на лицевой сторонѣ ея, обращено въ противуположную сторону и кромѣ того на оборотной сторонѣ надпись имени города находится не подъ палицею, а сверху ея.

Вотъ подробное описаніе ея.

Лиц. Голова Артемиды, увѣнчанная лаврами, съ красивыми серьгами — въ лѣвую сторону.

Обор. Внутри лавроваго вѣнка — палица; съ правой стороны, сверху ея, надпись — ΧΕΡ. — Металлъ монеты Æ. Вѣсъ ея 2 грамма и 42 сантиграмма. Величина ея 2, по Mionnet (см. табл. № 17).

---

[1]) См. Изслѣдов. объ исторіи и древн. г. Херсонеса-Таврическ., бар. Кене, стр. 30, № 26.

Сохранность этой монеты можно также назвать *à fleur de coin*, и кромѣ того она покрыта прекрасною черною патиною, которая, еще разъ повторяемъ, находится почти на всѣхъ нами пріобрѣтенныхъ монетахъ, найденныхъ въ ескѣ, близъ Евпаторіи. Это заставляетъ предполагать, что замѣчательная патина эта образуется на бронзовыхъ монетахъ благодаря ихъ долгому нахожденію въ пескѣ.

Здѣсь кстати замѣтить, что большее число пріобрѣтенныхъ нами въ Симферополѣ монетъ, какъ керкинитскихъ, такъ и босфорскихъ, ольвійскихъ и въ особенности херсонесскихъ, были найдены всѣ въ пескѣ, у самаго города Евпаторіи. Это доказываетъ, что прежніе обитатели этой мѣстности, по всему вѣроятію, имѣли громадныя торговыя сношенія съ тогдашними цвѣтущими греческими колоніями береговъ Понта Евксинскаго. Судя же по найденному тамъ бóльшему числу херсонесскихъ монетъ, нежели монетъ другихъ городовъ, нужно предполагать, что это населеніе вело, преимущественно предъ другими городами, самыя обширныя и тѣсныя торговыя сношенія съ древнимъ Херсонесомъ-Таврическимъ.

Теперь намъ остается описать двѣ монеты, которыя безспорно принадлежатъ къ романо-босфорскому, или второму періоду Херсонеса-Таврическаго, какъ по чеканкѣ своей, такъ и по надписямъ, на нихъ находящимся.

Р. Первая изъ нихъ изображаетъ на *лиц. стор.* Артемиду, опирающуюся правымъ колѣномъ на поверженнаго оленя. Какъ фигура богини, такъ и оленя обращены влѣво. Вокругъ фигуръ — круглый и гладкій ободокъ, подъ которымъ, также вокругъ, начиная отъ шеи оленя и оканчивая съ другой стороны спиною богини, весьма ясно видна надпись: ΧΕΡϹ—ΟΝΕϹ.

На *обор.* Стоящій вправо левъ, съ приподнятой головой и загнутымъ въ кольцо хвостомъ. Вокругъ льва такой же ободокъ, какъ и на лицевой сторонѣ, подъ которымъ, надъ львомъ, надпись ΕΛΕVΘ... остальныя буквы этой надписи стерты. Подъ львомъ, на самомъ почти обрѣзѣ, видимы слѣды буквъ, изъ которыхъ едва можно разобрать А и С.— Металлъ монеты Æ. Величина ея 4, по Mionnet. Вѣсъ 2 грамма и 85 сантиграммовъ (см. табл. № 18).

Изъ этого краткаго описанія видно, что и эта монета, подобно предыдущимъ, также весьма рѣдкая и что, кромѣ того, она — единственный экземпляръ по изображеніямъ своимъ какъ на лицевой, такъ и на оборотной ея сторонахъ; ибо хотя типъ Артемиды съ поверженнымъ оленемъ, какъ нами и прежде было сказано, часто встрѣчается на монетахъ этого города, и даже на нѣкоторыхъ изъ нихъ мы находимъ надпись съ начальными буквами имени города и титула ΕΛΕVΘ, — но за то, до сего времени, съ полнымъ и цѣлымъ именемъ города онѣ еще не встрѣчались. Также точно и левъ съ полною надписью титула города вокругъ него— типъ совершенно новый. Монета эта сохранилась весьма хорошо и только остальныя буквы слова ΕΛΕVΘΕΡΑС, слѣды которыхъ однако еще видимы, а равно и надпись подъ львомъ, на обрѣзѣ, —весьма трудно разобрать; остальныя же изображенія представляются весьма отчетливо и ясно. Время чеканки ея, нужно полагать, — относится къ самому началу второго періода, судя по работѣ, и въ особенности оборотной ея сторонѣ, гдѣ левъ представленъ весьма художественно и вѣрно.

Q. Вторая монета этого же періода, описаніемъ которой мы и заканчиваемъ нашъ трудъ, вполнѣ доказываетъ владычество Рима надъ Херсонесомъ, ибо мы находимъ на ней даже имя императора Августа, начертанное латински-

ми буквами, — явленіе до сихъ поръ на монетахъ этихъ небывалое.

Лиц. стор. этой монеты изображаетъ голову императора Августа, обращенную влѣво, впереди которой латинскія буквы AVG. Вокругъ всего изображенія — вѣнокъ, составленный изъ маленькихъ точекъ, почти весь видимый.

На *обор. стор.*, тоже вокругъ монеты, такой же вѣнокъ, въ которомъ изображенъ стоящій четвероногій звѣрь, на подобіе оленя или лани, обращенный вправо. Надъ его головой находятся параллельно двѣ выпуклыя полоски, одна надъ другой, которыя весьма похожи на изображенія рыбъ. Такія же точно двѣ полоски находятся еще за оленемъ и стоятъ вертикально, позади его. Къ сожалѣнію, голова представленнаго животнаго не видна, ибо двѣ упомянутыя выше верхнія полоски покрываютъ ее. Впереди же оленя едва замѣтны слѣды надписи, на мѣстѣ которой съ большимъ трудомъ можно разобрать букву X, и то не особенно ясно. — Металлъ монеты Æ. Вѣсъ ея 4 грамма и 25 сантиграммовъ. Величина почти 4, по Mionnet (см. табл. № 19).

На лицевой сторонѣ изображена голова Августа, что доказывается, кромѣ существующей впереди ея надписи, еще и типомъ лица этого императора, легко узнаваемымъ на всѣхъ его монетахъ; почему мы не считаемъ нужнымъ и распространяться далѣе объ этомъ. Гораздо труднѣе опредѣлить на оборотной сторонѣ монеты животное, головы котораго не видно, и которое мы принимаемъ за оленя единственно по длинѣ его шеи. Такая шея ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесена къ изображеніямъ другихъ животныхъ, находящихся на другихъ монетахъ Херсонеса, какъ напр. — къ быку, барану и льву. Кромѣ того весьма возможно допустить, что это именно олень или лань, ибо извѣстно, что они преимущественно предъ другими

животными служатъ атрибутами главной херсонесской богини Артемиды. Слѣдовательно, дабы болѣе отличить монету и придать ей типъ херсонесскихъ монетъ, художникъ, весьма вѣроятно, и помѣстилъ на ней изображеніе оленя, безъ котораго она легко могла быть принятою даже за какую нибудь изъ римскихъ монетъ, благодаря ея лицевой сторонѣ. Едва замѣтная въ изглаженной временемъ надписи впереди оленя буква X подтверждаетъ наше предположеніе, ибо вполнѣ доказываетъ принадлежность ея къ Херсонесу, на монетахъ коего такъ часто изображались олень и лань. Выпуклыя же четыре полоски, которыя мы опредѣлили изображеніемъ четырехъ рыбъ по большему сходству ихъ съ ними, вычеканены на монетѣ въ одно время съ общей ея чеканкою, а не впослѣдствіи, какъ нѣкоторыя контромарки, или штемпеля, добавленія которыхъ на монетахъ всегда ясно видны по выпуклостямъ и впадинамъ на нихъ. Здѣсь, напротивъ, ясно видно, что эти полоски вычеканены въ одно и то же время съ монетою. Интересно, что полоски эти, изображающія собою рыбъ, помѣщены здѣсь впервые въ весьма оригинальномъ положеніи: двѣ сверхъ оленя, а другія двѣ сзади его, тогда какъ на доселѣ извѣстныхъ монетахъ онѣ изображались обыкновенно или вмѣстѣ съ палицею, или съ хлѣбнымъ колосомъ.

Изображеніе этихъ рыбъ для насъ важно въ томъ отношеніи, что онѣ служатъ доказательствомъ того, что древній Херсонесъ, благодаря близости своей къ морю и такимъ большимъ рѣкамъ, какъ Борисѳенъ и Танаисъ, такъ же много занимался рыбною торговлею во время Августа, какъ и во время перваго періода своего существованія, на монетахъ котораго встрѣчаются также изображенія рыбъ. На монетахъ второго періода мы видимъ ихъ только въ первый разъ на нынѣ нами описанной монетѣ.

Итакъ, на основаніи всего вышеизложеннаго нѣтъ сомнѣнія, что описываемая монета принадлежитъ Херсонесу; это доказывается: во 1-хъ, типомъ ея изображенія, во 2-хъ, едва замѣтною буквою X, впереди животнаго, и въ 3-хъ, мѣстомъ ея находки, именно — на берегу моря, близъ самыхъ развалинъ Херсонеса. Принадлежность ея къ монетамъ романо-босфорской эпохи доказывается изображеніемъ головы императора Августа, впереди которой находятся латинскія буквы его имени, нигдѣ и никогда еще не встрѣчавшіяся на монетахъ этого города.

Наконецъ, оборотная ея сторона представляетъ весьма важное свидѣтельство о торговыхъ занятіяхъ города Херсонеса во вторую эпоху существованія, о чемъ доселѣ мы не имѣли никакихъ существенныхъ доказательствъ, такъ какъ рыбы не встрѣчались на монетѣ этой эпохи, и мы находимъ ихъ, повторяемъ, въ первый только разъ на нынѣшней монетѣ. Извѣстно, что въ древности часто помѣщали на монетахъ, кромѣ боговъ съ ихъ атрибутами, еще и разные другіе предметы, касающіеся жизни, торговли и т. п.; вотъ почему рыбы на нашей монетѣ и служатъ намъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что торговля эта была въ большомъ ходу въ Херсонесѣ.

Въ заключеніе можемъ сказать, что если предположеніе наше относительно изображенія рыбъ на монетѣ не будетъ опровергнуто, то монета эта, какъ и всѣ предыдущія, представляютъ оригиналы нигдѣ и ни кѣмъ еще неописанные и, по всей справедливости, могутъ занять одни изъ первыхъ мѣстъ между нумизматическими памятниками древняго славнаго Херсонеса-Таврическаго.

Г. Ялта.
7 октября 1879 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Глава I. Херсонская монета св. Равноапостольнаго великаго князя Владиміра и его супруги, царевны Анны 1

Глава II. Изслѣдованіе о вновь найденномъ херсонесскомъ бронзовомъ медаліонѣ древняго греческаго періода...... 19

Глава III. Описаніе 17 неизвѣстныхъ доселѣ древнихъ херсонесскихъ монетъ греческаго и римско-босфорскаго періодовъ 42

ОПЕЧАТКИ.

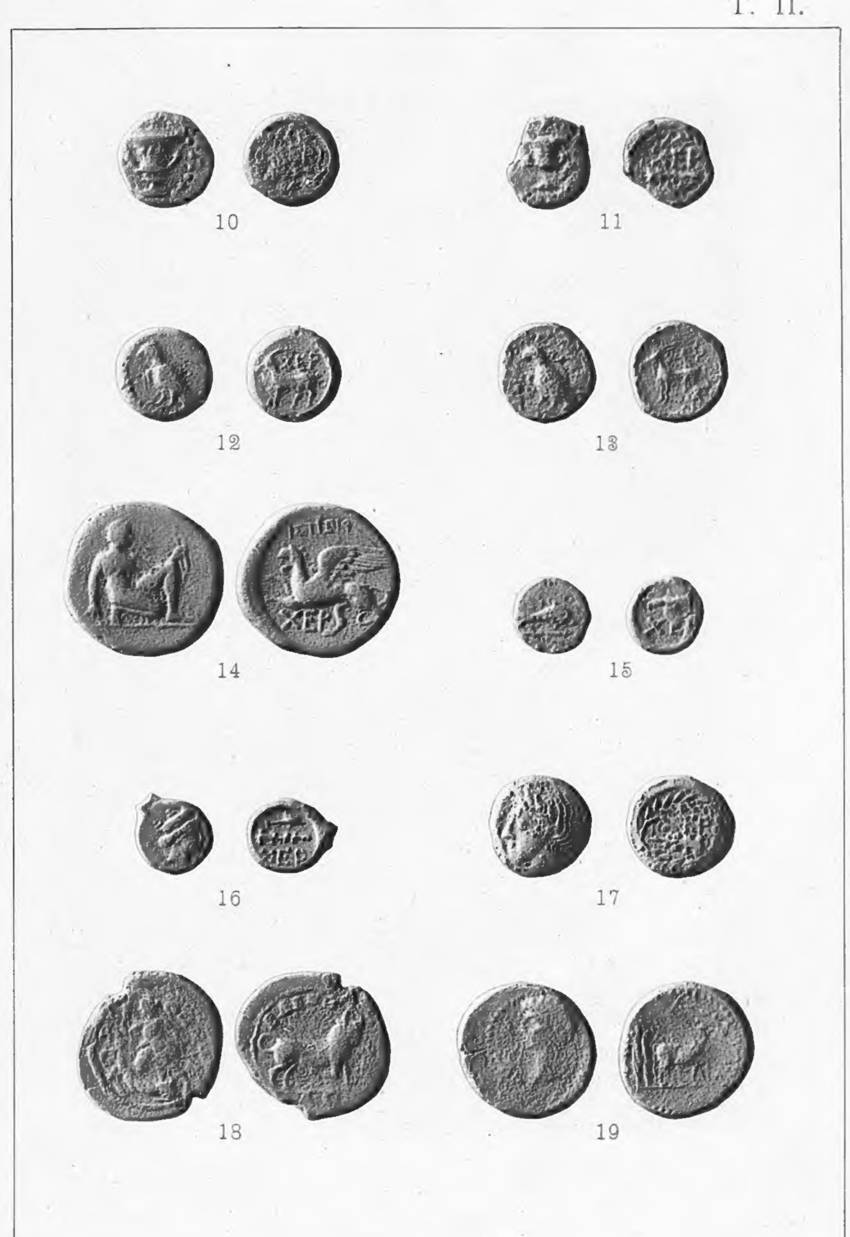
СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО:	ЧИТАЙ:
2	18	необходимы	они необходимы.
4	17	браку сблизившись	браку, сблизившись
4	9 съ н.	«Замѣчательно» говоритъ	«Замѣчательно», говоритъ
5	3	современемъ	со временемъ
5	4 съ н.	ее какъ	ее, какъ
7	13 съ н.	трофей	трофея
8	4 съ н.	Kedren	Cedren.
9	8	Фивы	Ѳивы
10	14	азіятскую	азіатскую
12	3	Byzantinnes	Byzantines
13	18	Δεσποτον	Δεσπότης
13	19	де Солси	де Соси
14	14	Роману	Романа
14	15	Василію	Василія
18	7 съ н.	однихъ	однѣхъ
20	5 съ н.	παρθενοαλῆς	παρθενοχλῆς
21	1	одними	однѣми
29	2 съ н.	Kamer	Kramer
30	12 съ н.	Марцелина	Марцеллина
31	6 съ н.	25	65
37	15	которую	которою
39	12 съ н.	медалѣ	медали
47	14	сантиграммовъ	сантиграммъ
47	9 съ н.	Таврическаго» [1])	Таврическаго» [2])
52	4 съ н.	A. Rich.	A. Riche.
55	1 съ н.	Leclere	Leclerc
56	2 и 3 съ н.	Leclere	Leclerc
56	1 съ н.	geographie	géographie
59	1 съ н.	Leclere	Leclerc

T. I.

ФОТОГІАЛОТИПЪ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

T. II.

ФОТОГІАЛОТИПЪ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.